

Дарья Донцова

Шекспир курит в сторонке

Детектив на даче Татьяна Сергеева

Дарья Донцова
Шекспир курит в сторонке
Серия «Татьяна Сергеева.
Детектив на диете», книга 11

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633135
Шекспир курит в сторонке: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-44153-2

Аннотация

Вот и наступил наконец долгожданный отпуск! Но Татьяна Сергеева и не думала отдыхать! Она... устроилась на другую работу! Танечка надеялась отыскать в загсе новую фамилию своего ненаглядного мужа Гри, который где-то работает под чужим именем. Но подобраться к заветному архиву так и не удалось: новое расследование заставило Сергееву вернуться на основную службу. Зоя, вдова адвоката с чудной фамилией Ветошь, желала получить страховку за его жизнь, да вот беда – ее не выплачивают в случае самоубийства... Борис Ветошь виртуозно втирался в доверие к сильным мира сего и жил в полном шоколаде. Поэтому вдовушка и уверена, что супруга убили: ну никак не мог он покончить с собой, да еще с помощью смертельно ядовитого любимца – паука Павлуши.

Придется Татьяне тоже свести близкое знакомство с этими милыми насекомыми – на что только не пойдешь ради дела!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	64
Глава 7	74
Глава 8	87
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Дарья Донцова

Шекспир курит в сторонке

Глава 1

Если вашему супругу стали малы брюки, не спешите их выбрасывать. Вполне вероятно, что через некоторое время у вас появится новый, более стройный муж, которому они окажутся впору.

Я незаметно поерзала на стуле, чтобы размять затекшую поясницу. Ну почему в большинстве государственных учреждений стоят ужасно неудобные, обшарпанные стулья? Неужели никто не думает о людях, которым предстоит провести рабочий день, согнувшись в три погибели над колченогим столом, сидя на жестком? Даже мне, совсем не худенькой даме, не комфортно, а каково заведующей загсом Анне Ивановне? Она едва ли весит пятьдесят килограммов! Хотя, вероятно, шефиня приучена к любым неудобствам, причем не только физическим. Вот сейчас напротив нее устроилась пара, женщина лет тридцати пяти и мужчина примерно того же возраста. Они ведут с Анной Ивановной нервную беседу.

– Наше бракосочетание было назначено на полдень, – злилась тетка, – что за ерунда?

– Понимаете, вы реально испортили людям праздник, –

перебил ее мужик, – мы пришли сюда в хорошем настроении, а нам фига! Кафе уже заказано! Ужин оплачен! Тамада нанят! И что теперь?

Анна Ивановна привычно улыбнулась:

– Уважаемые Наталья Петровна и Сергей Иванович, мы не можем вас поженить.

– Это почему? – хором воскликнули жених с невестой.

– В документах господина Петрова есть небольшое несоответствие данных, – объяснила Анна Ивановна, – три месяца назад, заполняя анкету при подаче заявления, жених в графе «паспортные данные» указал: Федосеев Леонид Львович, проживающий по адресу Ленинградское шоссе. Но сегодня, придя сюда для официального оформления новой ячейки общества, жених предъявил паспорт, в котором указано: Петров Сергей Иванович, зарегистрирован по улице Катукова. Как прикажете это понимать?

– Вы что, никогда не слышали о людях, которые квартиру меняют? – визгливо спросила невеста.

– И одновременно фамилию, имя и отчество? – без тени сарказма осведомилась заведующая. – Ну как Федосеев Леонид Львович мог за три месяца трансформироваться в Петрова Сергея Ивановича, перебраться в другой дом и вдобавок на два года постареть? Право, странно.

Наталья Петровна поджала губы.

– Никто ни в кого не превращался. Это разные люди!

– Уточните кто, – вежливо попросила Анна Ивановна.

– Ну, мужики, – ответила невеста. – Заявление мы подавали вместе с Леонидом, но потом я познакомилась с Сережей и поняла, что он мне больше подходит. Что моргаете? Жизнь течет, изменяется, а парни – как яблоки на рынке. Видишь одно на прилавке, большое, наливное, возьмешь в руки, приглядишься, фу, внутри червяк сидит, ну и хватаешь другое, не то чтобы «ах», зато никем не поеденное. Я думаю, надо не на внешность кидаться, а на сущность.

– Точно, – подхватил Сергей, – золотые слова.

– Подведу итог, – недрогнувшим голосом ответила заведующая. – Заявление госпожа Ларионова подавала с Федосеевым. Затем ее брачные намерения изменились, и сегодня она желает зарегистрировать отношения с присутствующим здесь Петровым?

– Да, – кивнула невеста.

– Это невозможно, – с каменным лицом возразила Анна Ивановна.

Наталья Петровна вскочила.

– Обалдеть! Мы взрослые люди, оба с московской пропиской! Вы не имеете права нам отказывать! Вы назначили день регистрации, никто не опоздал, мы пришли вовремя. В чем проблема?

Я покосилась на Анну Ивановну. Вероятно, отец у нее сфинкс, а мать египетская пирамида: любой другой человек давно бы уже вышел из себя и на простом русском языке объяснил бы жениху и невесте, куда им следует идти неспешным

шагом. Но заведующая – дама без нервов.

– Не положено сдавать анкету с одним мужчиной, а потом оформлять брак с другим, – четко произнесла Анна Ивановна.

– Почему? – встрепнулся Сергей Иванович и услышал в ответ те же слова:

– Не положено.

Наталья Петровна чуть наклонила голову и мрачно осведомилась:

– Значит, раз я с Ленкой в марте приходила, то с ним в июне должна штамп ставить?

– Верно, – подтвердила начальница загса.

– А если мои чувства изменились? – заорала невеста.

– Подайте новые бумаги, – невозмутимо посоветовала Анна Ивановна. – Идите в седьмую комнату, заполните новую форму.

Невеста вскочила.

– Побежали, Сережа, если подсуетимся, успеем вовремя в кафе.

– Секундочку, – притормозила повеселевшую парочку Анна Ивановна, – сегодня ваш брак не оформят. Торжественная церемония состоится в сентябре. Таковы правила.

Наталья Петровна всплеснула руками:

– Вы меня ненавидите?

– Отнюдь, – ровным тоном возразила заведующая, – я хорошо отношусь ко всем, как брачующимся, так и добрачующимся.

щимся.

– Тогда распишите нас! – потребовал Сергей.

Анна Ивановна моргнула.

– Закон есть закон! Спустя положенное время после подачи бумаг – с доброй душой.

Глаза Натальи Петровны наполнились слезами.

– Из-за вас мне никогда замуж не выйти! Три месяца назад с Ленкой меня не расписали, теперь отказываетесь с Сергеем оформить. Я вам не по сердцу? Денег хотите, да?

К счастью, именно в этот не самый приятный момент дверь кабинета приоткрылась и показалась голова Елены Геннадиевны, регистрирующей новорожденных.

– Анна Ивановна, вы заняты? Можете на секунду отвлечься?

– У вас нечто серьезное и не терпящее отлагательства? – осведомилась начальница.

– Да, да, да, – закивала Елена. – Пришли супруги, они хотят дать ребенку имя «Айфон».

– Афоня? – переспросила Анна Ивановна. – Мы не имеем никакого права влиять на родителей, даже если нам их выбор кажется не очень удачным. И сейчас, как вы отлично знаете, мода на старину: Демьян, Поликарп, Митрофан, из женских востребованы Матрена или Фекла. Елизавета и Анастасия уже не столь популярны, хотя когда-то и они казались архаичными.

– Не Афоня, а Айфон, – забыв о строго соблюдаемой в

загсе служебной субординации, перебила шефиню Елена. – В честь телефона, они его фанаты.

Заведующая снова моргнула.

– Мы не в Америке живем, где можно делать что угодно. С их выбором согласиться нельзя.

Елена Геннадиевна сделала умоляющие глаза.

– Отец новорожденного адвокат, мать тоже консультант по правовым вопросам. Она прямо сказала: «Покажите инструкцию, в которой написано: «Нарекать сына *Айфоном* запрещено». Иначе мы прямиком от вас идем в суд».

Анна Ивановна встала.

– Прошу простить, господа, вынуждена вас оставить. – И она плавно поплыла к выходу.

Наталья Петровна и Сергей Иванович проводили взглядом стройную фигуру с идеально прямой спиной и повернулись ко мне.

– Может, вы распишете нас? – подмигнула невеста.

Я сделала испуганный вид.

– Ой! Не имею права. Работаю тут всего пару дней, нахожусь на испытательном сроке. Мне нельзя трогать ничьи документы.

– Кафе оплачено, ужин пропадет, – с тоской протянул Сергей.

– Зачем же еде портиться? – улыбнулась я. – Празднуйте спокойно.

– Так нас не расписали, – всхлипнула Наталья.

– Вы сюда вдвоем пришли? – уточнила я. – Без родственников и приятелей?

Наташа кивнула.

– Сергей так захотел, сказал, дело интимное, не желаю толпу в загсе видеть, пусть сразу в кафе едут.

– И кто узнает, что тут случилось? – засмеялась я. – Скажите гостям: «Все хорошо», – и гуляйте. А через положенное время потихонечку придете сюда и подписи в книге поставите. У вас кольца есть?

– Ага, – кивнул Сергей и вытащил из кармана коробочку. Я глянула на дверь.

– Так. Надевайте их на пальцы друг другу, теперь поцелуйтесь и шагайте к машине. Совет вам да любовь.

Они быстро обменялись золотыми кольцами, облобызались и шмыгнули в коридор. Я перевела дух. Хорошо, что при этой сцене не присутствовала Анна Ивановна: она могла заработать язву желудка, услышав совет новой сотрудницы.

Створка приоткрылась, в комнату опять юркнула Наталья Петровна.

– Но это же не взаправду? – шепотом осведомилась она. – Если я передумаю за Серегу через три месяца идти, разводиться не надо?

– Конечно, нет, – успокоила я ее, – живите спокойно.

– С меня причитается! – обрадовалась Наталья и ушла.

Я облокотилась о стол и уставилась в окно, занавешенное старомодным наборенным тюлем. Когда я под личиной Та-

тьяны Мироновой, бывшей учительницы, а потом домохозяйки, устраивалась на работу в загс, я не думала, что его заведующая представляет собой идеальный образец чиновницы. Анна Ивановна добуквенно выполняет все положенные инструкции, а главное, она никогда не расстанется со связкой ключей от архива. Я-то полагала, что в загсе не соблюдается особая секретность, и надеялась без проблем выполнить задуманное. План был прост: оформляюсь на службу и не прохожу испытательный срок, который здесь составляет две недели. За это время я вполне успею добраться до хранилища документов и порыться в нем. В загсе работают одни женщины в возрасте от тридцати до пятидесяти, у них семьи, дети. Небось дамы выкраивают часок-другой на поход по магазинам, подолгу пьют чай на общей кухне, сплетничают, болтают по телефону. Это же не центр управления полетами, где нельзя отвлечься на миллидолю секунды. Да я за один день узнаю, где хранятся нужные мне бумаги! За второй-третий, ну ладно, четвертый, найду их на полках, сделаю фотокопии и затем начну опаздывать, приходиться в контору к полудню, предварительно положив в рот конфетку. Леденец не простой, от того, кто держит его под языком, исходит крепкий запах спиртного. Ну и как поступит начальница, поняв, что к ней в коллектив пытается внедриться дамочка, закладывающая по вечерам за воротник? По истечении испытательного срока мне вежливо укажут на дверь и забудут о Татьяне Мироновой. Но действительность оказалась иной.

Анна Ивановна даст фору всем армейским служакам. Простая задача сфотографировать бумаги кажется мне невыполнимой. Несчастные сотрудницы имеют всего сорок пять минут на обед, общей кухни тут нет, курить ни в самом загсе, ни на прилегающей к нему территории нельзя, ключи от архива пристегнуты к поясу начальницы. Нечего и думать, чтобы сделать с них слепки. И меня Анна Ивановна старается не выпускать из поля зрения, я постоянно ощущаю ее изучающий взгляд. Сейчас уникальный момент, когда я оставлена в кабинете без присмотра.

В кармане платья беззвучно завибрировал сотовый. Кстати, всем сотрудникам загса запрещено на работе пользоваться личными телефонами. Я со всей возможной скоростью ринулась в туалет, хорошо хоть Анна Ивановна не регламентирует походы своих рабов в сортир.

– Ты где? – забыв поздороваться, спросил Приходько.

– Да так, по магазинам брожу, – как можно беспечнее ответила я.

– Немедленно приезжай в контору, – приказал Федор, – за час успеешь?

– У меня отпуск, – осторожно ответила я. – Планировала предстать пред твоими очами через двенадцать суток.

– Надо сегодня, поторопись, – приказал шеф, – у нас форс-мажор. Едет человек от... короче, не важно. Поспеши, мы здесь с Фатимой вдвоем.

– А Коробок? – удивилась я. – Он куда подевался?

– У него беда, – буркнул Федор.

– Лапуля! – испугалась я. – Ей плохо?

– Нет, Лапа в порядке, хотя беда исходит от нее, – вздохнул босс. – Димон спешно поехал в аэропорт, встречает каких-то ее родственников. Тань, потом догуляешь. Когда будешь?

– Ну... часа через два или лучше три, – пробормотала я.

– С ума сошла? – возмутился шеф. – Заканчивай хождение за шмотками. Это не предложение, а приказ.

Я сгребла в кучу все свои актерские способности и начала старательно врать.

– Прости, Федор, я не в магазине.

– Так, а где? – спросил шеф.

– Неудобно говорить, – хихикнула я.

– Неудобно спать на потолке, одеяло с подушкой падают, – рассердился Приходько. – Живо колись.

– Я давно хочу похудеть, – зашептала я, – но не получается, Лапа слишком хорошо готовит. Весь день работаю, перекусить некогда, вечером куплю кефир, рассчитываю его выпить и баиньки. А дома на кухне полно вкусностей, сил нет удержаться. Наемся до отвала – и под одеяло. Скоро весы треснут. Вот и решила использовать отпуск для шлифовки фигуры, записалась в лечебницу на курс похудательной терапии. Уже два дня утром рано уезжаю и усиленно работаю: тренировка в зале, массаж, сауна, бассейн, всякие процедуры. Сейчас сижу в специальной жиросжигательной бочке, се-

анс только начался, он продлится сорок минут, потом надо помыться, одеться, накраситься...

Я перевела дух. Обмануть Приходько трудно, и в бригаде, членом которой я являюсь, существует правило: мы не врем друг другу. Но у меня сейчас нет альтернативы. Ни одна живая душа не должна знать, что госпожа Сергеева решила использовать положенный ей отпуск для поиска любимого мужа Гри¹. Я знаю, он жив, работает под чужим именем, сменил биографию, подкорректировал внешность. Поймите, я не собираюсь бросаться супругу на шею с воплем: «Дорогой, наконец-то мы встретились!». Я просто хочу увидеть Гри издали. Прошел не один месяц поисков, пока след привел меня в загс, которым руководит Анна Ивановна. Еще чуть-чуть, и в моих руках окажется нить. Дерну за нее – и узнаю новую фамилию Гри! Но если Федор сообразит, что задумала его подчиненная, плохо мне придется. Я знаю, из бригады не увольняются. Бывших агентов не бывает, пару раз в наших операциях участвовали бабули – божьи одуванчики, лет эдак по двести каждая. Одна из немощных пенсионерок на моих глазах быстрым движением руки вырубил здорового мужика, а другая, сидя в инвалидном кресле, за час расшифровала письмо, написанное на несуществующем языке. Если вы очутились в одной из спецбригад, то это на-

---

¹ История отношений Тани и Гри описана в серии книг Дарьи Донцовой «Детектив на диете», в частности в книге «Старуха Кристи отдыхает», издательство «ЭКСМО».

всегда. Но что делают с теми, кто пытается узнать то, что находится под запретом? На последний вопрос у меня ответа нет, и если честно, знать его не хочется, но элементарное чувство самосохранения подсказывает: Танюша, разыскивая Гри, шифруйся по полной программе.

– Немедленно вместе со всем своим нерастопленным жиром вылезай из лоханки и рыси в офис, – отчеканил Приходько.

Я подавила судорожный вздох. Какое счастье, что шеф не усомнился в моем желании стать стройной, аки молодой ки-парис.

– Времени тебе полтора часа, – договорил он, – отсчет пошел.

Я запихнула сотовый в карман, прибежала назад в кабинет и опять обрадовалась: Анны Ивановны до сих пор нет. Нелегкое это дело – переубедить дураков, которые решили назвать сына Айфон.

Я открыла сумку, вытащила оттуда небольшой баллончик с надписью «Мятный освежитель» и пару раз пшикнула себе в рот. Ну, если заведующая через пять минут не придет, я сама отправлюсь ее искать. Кто испугается, я не виновата.

Глава 2

Из коридора донесся стук каблуков, я быстро легла грудью на кипу бумаг и даже не пошевелилась, когда раздался спокойный голос:

– Татьяна, что с вами?

Вопрос повторился несколько раз, потом крепкая рука потрясла меня за плечо. Я встрепенулась.

– Где я? Ох, простите, Анна Ивановна! Голова с утра болит, то жарко, то холодно. Ума не приложу, как ухитрилась заснуть на рабочем месте. Честное слово, никогда ранее подобного не случалось. Наверно, из-за ночных бдений. Соседка у меня врач, она попросила присмотреть за своей дочерью, у ребенка корь, а мать вызвали на дежурство.

Заведующая со скоростью молодой белки отпрыгнула в сторону.

– Что с вашим лицом? Оно в ужасающих пятнах.

Я вытащила зеркальце и закричала:

– Ой, мамочки! А еще я вся горю! Но ведь взрослый человек не может заразиться от малышки корью? Апчхи! Это же детская инфекция. Апчхи, апчхи, апчхи!

Может, Анна Ивановна и робот, созданный для ведения книг актов гражданского состояния, но перспектива подхватить вирус или бактерию испугала даже эту невозмутимую даму.

– Немедленно уходите домой, – нервно приказала она, – сию секунду.

– До конца рабочего дня еще далеко, – произнесла я, – как же испытательный срок? Не хочу, чтобы вы считали меня симулянткой.

– Танечка, – неожиданно ласково, почти по-матерински произнесла заведующая, – ваше лицо свидетельствует о сильном недуге. Уезжайте, вылечитесь – вернетесь. Заболеть может любой человек.

Я встала.

– Спасибо, Анна Ивановна, думаю, за неделю я поправлюсь.

– От души желаю скорейшего выздоровления, – слишком быстро произнесла шефиня, – корь опасна осложнениями, восстанавливайтесь и возвращайтесь.

Старательно изображая из себя немощную бабочку, я вышла из загса, двинулась по направлению к метро, через двести метров притормозила, проглотила заготовленную таблетку и опрометью кинулась к громадному мегамаркету, в подземной парковке которого стоит мой джип. Надеюсь, часа хватит, чтобы дорулить до офиса, и за это время следы «кори» должны исчезнуть с моего личика. Спрей, как вы уже догадались, вовсе не мятный освежитель дыхания, а мощное средство, которое вызывает почти мгновенную ярко выраженную кожную реакцию. Начинается все с лица, которое покрывается неровными бордовыми пятнами. Одновремен-

но вы начинаете чихать, кашлять, сморкаться. Если не принять пилюлю-антидот, сыпь появится на шее и на всем теле. В общем, возникнут классические симптомы разных болезней – от уже упомянутой кори до чумы. Подозреваю, что использование спрея не слишком положительно влияет на здоровье, и стараюсь как можно реже употреблять пшикалку, но порой наличие в сумке баллончика сильно облегчает жизнь.

– Ты какая-то красная, – вместо «здравствуй» сказал Приходько, когда я предстала пред очами шефа.

– Торопилась, – пожала я плечами, – а в бочке, из которой я выскочила по твоему приказу, было жарко, сразу остыть не получилось.

– Надеюсь, у тебя не расплавился мозг, – сказал босс. – Двигаем в переговорную, у нас там Зоя Владимировна Агешева с большой проблемой.

Я сделала разворот через плечо и пошла по коридору за начальником. С мелкими неприятностями в бригаду не идут, украденными кошельками, пропавшими попугаями и подростками, которые полночи буянят во дворе, мы не занимаемся. В переговорной у нас есть большая аптечка, нашим посетителям подчас становится плохо от переживаний. Но женщина, которая сидела возле овального стола, не выглядела особенно удрученной. Поверьте, если представительница слабого пола нанесла на лицо тщательный макияж: наложила тон, корректор под глаза, румяна на щеки, напудрилась, нарисовала стрелки на веках, воспользовалась тушью, губной

помадой, взбила волосы, надела элегантный костюм и взяла дорогую сумку, – значит, она не выбегала из дома в панике.

Я села напротив Агишевой и услышала слова Федора:

– Это Татьяна, заведующая оперативно-следственным отделом. Извините за задержку.

– Я понимаю, – звонко ответила посетительница, – меня предупредили, что у вас много работы и вы берете не все, а лишь самые сложные дела. Мое из этой категории. Первого мая был убит мой муж, Ветошь.

– Простите? – не поняла я. – При чем тут старые тряпки?

– Фамилия супруга Ветошь, адвокат Борис Олегович Ветошь. Он, когда представлялся, ставил ударение на последнем слог, но люди все равно говорили неправильно, – объяснила посетительница.

Федор кашлянул:

– В чем причина вашего обращения к нам?

Зоя Владимировна внимательно посмотрела на него:

– Скажу без утайки, у меня плохо с деньгами, их, если честно, почти нет, я голая и босая.

– В права наследства вступают через полгода, – кивнула я, – но вы можете попросить доступ к счетам. Если никаких скандалов не предвидится и у усопшего не было кучи родственников, вам пойдут навстречу. Но, простите, вы не похожи на нищенку.

Зоя Владимировна показала на свои часы, щедро усыпанные бриллиантами.

– Красивые, да?

– Очень, – согласилась я, – и, думаю, не дешевые.

Агишева усмехнулась.

– Боря был мастером декораций. Часики – подделка, куплены в Таиланде, ювелирный гарнитур на мне оттуда же, камни в серьгах и браслете – искусно обработанные стекляшки. Сумка, костюм, все не родное. Загородный дом, в котором мы жили, машины – не наша собственность.

– Я вспомнила, откуда мне известна фамилия Ветошь, – воскликнула я. – Иногда я читаю гламурную прессу, мне нравятся картинки из красивой жизни. Борис Олегович часто мелькал на этих страницах, постоянно попадал в объектив папарацци – то в Ницце на балу, то в Лондоне на благотворительном обеде, то в Москве на приемах. Совсем недавно я любовалась на фоторепортаж из вашего особняка и была поражена богатством интерьера. Извините, непохоже, что господин Ветошь стоял с шапкой на перекрестке.

Зоя Владимировна заправила за ухо прядь светлых волос.

– Высокое искусство казаться богатым, а не быть при деньгах в действительности! Многие пытаются им овладеть, но лишь единицы выбиваются в профессионалы. Сейчас поясню.

– Сделайте одолжение, – сказал Федор.

Из уст Агишевой полился откровенный рассказ.

До того как стать счастливой госпожой Ветошь, Зоя работала в Париже, в универмаге «Монтан». Хозяин этого тор-

гового центра оказался весьма дальновидным человеком, он понял, что из России во Францию хлынул поток богатых людей, и сделал на них ставку. Зоя в совершенстве владеет языком Пушкина, ее бабушка когда-то эмигрировала из России, дома у Агишевых разговаривали на двух языках. Скрамная, тихая Зоя сразу после окончания школы работала секретарем у доктора-француза, у которого лечилась русская диаспора. Эскулап и его пациенты надоели Агишевой хуже горькой редьки, она устала постоянно слышать о депрессиях, запорах и хроническом алкоголизме. Врач, экономный, как все европейцы, платил мало, замуж Зою никто не звал, предложение пойти на службу в «Монтан» она сначала отвергла. Но лучшая подруга Катрин переубедила Зою.

– За прилавком веселее, чем в приемной у терапевта, будешь болтать о тряпках, может, познакомишься с кем, встретишь свою судьбу. Надо менять работу, пока с ума не съехала.

Зоя нанялась в «Монтан» и через шесть месяцев получила предложение руки и сердца от Бориса.

– Ну, я же говорила! – в восторге твердила Катрин. – Как тебе повезло! Богатый! Детей нет! Бывшей жены тоже! Сирота! Зойка, такое бывает исключительно в сказках. Я умираю от зависти, тебя ждет шикарная жизнь, не забывай подругу, привези мне как-нибудь шубку из русского соболя и банку черной икры.

Зочка улетала в Москву в состоянии эйфории. В аэро-

порт их с мужем вез автомобиль, за рулем которого сидел шофер в ливрее. Самолет, куда их проводили с почетом, оказался частным. В столице России их встретил такой дорогой лимузин, что новобрачной стало неудобно: во Франции не принято разъезжать в столь пафосных экипажах, это не комильфо.

Дом в Подмоскovie поразил ее размерами и купеческой роскошью интерьера, в котором не было ничего общего с минимализмом Зоинной квартирки в Париже. На родине невесты пара скромно расписалась, Зоя была в простом костюме. В Москве свадьбу играли в огромном зале, количество гостей новобрачная не могла сосчитать, ее завалили дорогими, нет, роскошными подарками, а платье Агишевой было расшито кристаллами от Сваровски. Сколько оно стоило, Зоя боялась даже предположить, она понятия не имела, откуда взялся наряд. За день до торжества Боря принес его, бросил на постель и небрежно сказал:

– Солнышко, быстренько примерь, если вдруг будет чуть не впору, портные в кухне сидят, живо подгонят.

Целый месяц потом Зочка рассматривала снимки в глянце и говорила Боре:

– Ну почему репортеры пишут: «Известный адвокат женился на аристократке, княжне Агишевой, француженке русского происхождения, наследнице огромного состояния, владелице шикарных апартаментов в Париже и замка на Луаре»? Мой отец был простым учителем, он умер, когда мне

исполнился год, мама работала в библиотеке на одном из факультетов Сорбонны. Мы никогда не принадлежали к аристократии и не были богаты. Какие замки? Откуда?

– Золотце, – смеялся супруг, – папарацци тупы как пробки, мыслят стереотипами, раз француженка с бабкой из России, значит, княжна. Живет в Париже? Купается в деньгах. Нет смысла возражать, не обращай внимания, привыкай к московским реалиям, здесь журналюги пишут что хотят, и им ничего за это не бывает.

После свадьбы Зоя жила в вечном празднике, не думала ни о чем, не заботилась ни о деньгах, ни о хозяйстве. Борис обожал тусовки, каждый вечер они отправлялись то в гости, то в клуб, то на концерт. Зоя никогда не вмешивалась в дела мужа-адвоката, да тот бы и не допустил ее к чужим тайнам. Агишева не заглядывала к нему в офис, она знала, что Борис успешно решает любые проблемы. Детей у них не было, Борис Олегович оказался бесплоден и очень радовался этому факту. Он говорил:

– Загробной жизни не существует, лучше счастливо провести годы на земле, не тратя время на воспитание неблагодарных потомков.

Зоя тоже не хотела лишаться удовольствий и портить фигуру, поэтому не переживала из-за неспособности мужа зачать ребенка.

Некоторое время назад Зочка, изучая один гламурный журнал, наткнулась на снимок симпатичной девушки в бе-

лом наряде. Фотографию сопровождала небольшая записка «Рада Калинина на примерке винтажного платья от Шанель. Конечно, я могла бы заказать себе любой наряд, – сказала нам счастливая невеста, – но в этом роскошном кринолине, который для моей бабушки создала сама Коко Шанель, вышла замуж еще и моя мама. Не хочу нарушить традицию. Единственное, придется чуть ушить платье в талии». По приблизительным оценкам наших экспертов, винтаж от Шанель может стоить в пределах от трехсот тысяч до миллиона евро. Ну что тут сказать? Семейная жизнь должна начинаться красиво».

Зоя принялась разглядывать восхитительный наряд, но чем дольше его рассматривала, тем сильнее поражалась. В конце концов она пошла в дальнюю гардеробную, вытащила чехол, где хранился ее подвенечный убор, открыла молнию и ахнула! Внутри было пусто.

Вечером, когда муж вернулся домой, она бросилась к нему с журналом и задала вопрос:

– Почему мое платье какая-то Рада выдает за винтаж от Шанель?

Супруг сказал без тени волнения:

– Солнышко, ты ошиблась, просто наряды очень похожи.

– Но мой кофр пуст! – зарыдала Зоя.

– Ты беседовала с Ритой, экономкой? – нахмурился Борис и, получив в ответ «нет», ушел.

Недоразумение, как выяснилось, не стоило выеденного

яйца. Маргарита пришла к хозяйке и сказала:

– Ваш наряд отдали в химчистку, его надо изредка освежать.

– Правда? – обрадовалась Зоя.

– Конечно, – кивнула Рита. – Платье памятное, нехорошо, если его мошь поест или оно в чехле сгниет. Через двадцать один день оно вернется на место, из-за кристаллов его долго обрабатывают. И уж простите, Зоя Владимировна, но на том фото совсем другой наряд.

Агишева заморгала, Рита тем временем продолжала:

– Ваше платье тоже от Шанель, сходство есть, юбка широкая, камни, но, если внимательно посмотреть, видны отличия. Помните, какие цветы на корсете вытканы?

– Орхидеи? – робко предположила Зоя.

Рита довольно засмеялась.

– Так я и знала. Некогда было невесте на лиф любоваться! Вы не сами эскиз рисовали, получили платье в подарок от жениха. У вас там вообще-то не цветы, а птички. Вот у Радыда, орхидеи.

– Извините меня, – пролепетала хозяйка.

– Так не за что, – приветливо ответила Маргарита, – не ваше дело за тряпками глядеть. Под фатой не вчера стояли и после торжества чехол не открывали.

Зоя ощутила себя полной дурой.

Через три недели Маргарита пришла к хозяйке в слезах.

– Простите, Зоя Владимировна.

– Что случилось? – напряглась хозяйка.

– Ваше платье, – всхлипнула Рита, – оно испорчено.

– Как? – возмутилась Агишева. – Немедленно покажи.

Экономка принесла вешалку. Зоя чуть не зарыдала. Белое кружево стало серо-желтым, большая часть кристаллов исчезла, юбка сжалась, да и весь наряд словно усох, съежился, вдобавок покрылся дырами. О том, чтобы надеть его когда-нибудь на юбилейную годовщину бракосочетания, и речи быть не могло.

Зоя налетела на Маргариту:

– Кто велел тебе нести его в химчистку?

– Сама решила, – всхлипнула дура-баба.

– Ты больше у нас не работаешь, – топнула изящной ножкой хозяйка и отправилась звонить мужу.

Борис попытался отговорить супругу:

– Золотце, Маргарита хорошая экономка, найти невороватую, умелую служащую трудно. Давай дадим ей шанс, не будем рубить с плеча.

Но Зоя не желала слышать здравых рассуждений:

– Она убила платье, в котором я провела самый счастливый день своей жизни. Не хочу видеть тупую девку.

Рита ушла от них, вместо нее появилась мрачная Надежда. Зимой она пришла к хозяйке и хмуро сказала:

– Рита велела раз в год ваши драгоценности чистить.

Зоя оторвалась от телевизора и вздохнула. Конечно, Маргарита сильно провинилась, испортила платье, но прежняя

экономка никогда не беспокоила Зою по пустякам, в доме все сияло, сверкало и образовывалось само собой. Рита помнила абсолютно обо всех мелочах: бутылке минералки на тумбочке спальни хозяйки, стопке журналов там же. На нее можно было положиться в любой ситуации. Зоя говорила:

– Маргарита, завтра в семь у нас обедают две пары. Меню придумай сама.

– Кто придет? – спрашивала Рита, и только.

Когда в назначенное время хозяйка спускалась из своей комнаты в столовую, чтобы окинуть царским взглядом интерьер, все было готово. Маргарита идеально накрывала на стол и готовила лучше профессионального повара. А Надежда! Постоянно лезет с тупыми вопросами: что? где? как? Надоела, право слово.

– Если Маргарита оставила инструкцию, выполняйте, – недовольно пробурчала Агишева. – Возьмите коробочки с украшениями в гардеробной, чем чистить, не спрашивайте, я понятия не имею.

Мрачное лицо Нади внезапно озарила улыбка.

– Зоя Владимировна, я до вас у алмазного короля Френкеля служила, научилась у Якова Ароновича всем премудростям, знаю, как с ювелиркой обращаться.

– Отличная новость, – язвительно произнесла Зоя, – приятно слышать, что ты хоть в чем-то разбираешься.

– Я вот чего пришла, – замялась Надя. – Яков Аронович, он всему меня научил! Я цирконий, фианит и бриллиант из-

дали с полувзгляда отличу. Могу все про каратность рассказать. Знаете, откуда происходит слово «карат»? Это название семян дерева акации Кератония, которые в древности использовались в качестве денег. Самой распространенной огранкой алмаза является круглая, еще бывает грушевидная, сердцевидная, овальная. Крупным считается бриллиант весом более одного карата. Шестикаратники и больше продают только с аукционов, а камням за двадцать пять карат дают собственные имена.

Зоя подняла руку:

– Спасибо за информацию. Но я хочу услышать твой вопрос.

Надежда протянула руку, разжала кулак и очень тихо произнесла:

– Это колечко с фальшивым брюликом. Да и остальные ваши цацки тоже прекрасно сделанная бижутерия.

Глава 3

Агишева никогда не хамит прислуге, но в тот момент у нее вырвалось:

– С ума сошла, дура?

Надежда не обиделась.

– Не верите, съездите к профессиональному ювелиру. Не хочу отвечать за чужое воровство. Если кто цацки подменил, я за это ответственности не несу.

В голосе экономки не слышалось ни капельки сомнения. Зоя схватила перстень, помчалась к специалисту и узнала нелицеприятную правду: бриллиант – подделка.

Вне себя от злости Зоя позвонила мужу и закричала в трубку:

– Экономка Маргарита нас обокрала!

– Солнышко, успокойся, я с этим разберусь, – пообещал Борис, – сиди дома, жди меня.

Но Агишева не послушалась, она вернулась в салон и привезла оценщика в особняк. Когда Ветошь вошел к жене в спальню, та рыдала в подушку. Надежда не ошиблась – все драгоценности оказались отлично изготовленной бижутерией.

– Не плачь, золотце, – начал утешать ее муж, – купим новые. Маргариту я найду, задам ей вопросы. Надежду уволю, незачем ей было тебя расстраивать, найму другую. Котенька,

почему ты сразу не обратилась ко мне? Зачем бросилась к ювелиру? Я же говорил: украшениями занимаюсь только я!

Мало-помалу Зочка успокоилась. Наутро в дом пришла веселая Анечка, от мрачной Нади не осталось и следа. Но через неделю Зое позвонил какой-то мужчина и грозным голосом сказал:

– Хочешь узнать правду, открой почту.

Агишева нашла послание, прочитала его и сделала то, чего никогда не совершала ранее, – позвонила мужу и сообщила:

– Еду к тебе в офис, говори мне адрес.

– Господи, что стряслось? – занервничал он. – Ты заболела? Немедленно ложись в постель, я спешу домой.

– Нет, я сама к тебе приеду, скажи название улицы, – потребовала Зоя.

– Уже несусь, – словно не слыша ее, ответил Борис, – буду через полчаса!

Зоя бросилась к компьютеру, нашла в поисковой системе адрес адвокатской конторы Ветошь и поторопилась в гараж. Мобильный телефон она предусмотрительно отключила.

Вход в офис выглядел вполне солидно, располагался он на первом этаже жилого дома в центре столицы. Увидев латунную табличку «Борис Ветошь», Зоя слегка остыла. Не следовало верить анониму, написавшему гадости, надо слушать мужа, а не злых людей, которым чужое счастье, успех и большие деньги стоят поперек горла. Автор письма утверждал,

что Борис – мошенник без гроша в кармане, что он никакой не юрист, не имеет права называться адвокатом, потому что не получил соответствующего образования. Но вот же офис Бориса!

Решив разобраться во всем до конца, Зоя нажала на звонок.

– Кто там? – бдительно спросили изнутри.

– К Борису Олеговичу, – чуть слышно прошептала Зоя.

– Господин Ветошь принимает исключительно по предварительной записи, – ответил женский голос.

– Пожалуйста, дайте воды, – взмолилась Зоя. – Мне плохо, тошнит. Сейчас упаду на пороге, сюда приедут «Скорая», милиция.

Щелкнул замок, Агишева вошла в темную прихожую, сняла с головы модную широкополую шляпу, прикрывавшую ее лицо, в ту же секунду под потолком вспыхнул свет. И гостья, и хозяйка мгновение смотрели друг на друга, потом хором воскликнули:

– Вы?

Первой опомнилась Маргарита:

– Предположить не могла, что увижу вас здесь!

– И я меньше всего ожидала тебя тут встретить, – не осталась в долгу Зоя.

– Я здесь живу, – уточнила Рита. – Вы находитесь в моей квартире, я могу вас легко отсюда выгнать.

Зоя Владимировна накинулась на бывшую экономку:

– Отлично, зови участкового! А я расскажу, как прислуга обокрала хозяйку и нагло пользуется именем знаменитого адвоката!

– Я у вас ничего не брала, – ответила Рита.

– А бриллианты! – закричала Зоя. – Немедленно позвоню Боре, он тебя... тебя... тебя...

Агишева задохнулась, Маргарита взяла телефон, набрала номер и сказала:

– Боря, срочно направляйся в кабинет. Приехала проблема по имени Зоя Владимировна.

Агишева так разозлилась, что сначала не среагировала, только через минуту осознала: прислуга зовет хозяина просто по имени, обращается к нему на «ты», и онемела от негодования.

– Чай? Кофе? – привычно предложила Рита, подталкивая Зою вперед по коридору.

– Подавись своим кофе, – пошла вразнос Зоя. – Ты, сука, спишь с моим мужем?

– Птичка в гнезде не гадит, – усмехнулась Рита. – Боря не идиот, ему скандал с адюльтером не нужен. Нет, я его секретарь.

Зоя рухнула на диван.

– Ничего не понимаю.

– И не надо вам ничего понимать, – с укоризной произнесла Рита. – Разве вы плохо жили? В шампанском купались, икру ели, подарки получали. Прямо сказка про клю-

чик. Помните ее? Богатый граф женился на бедной сироте, организовал нищенке золотую жизнь, все ей разрешал, только приказал не пользоваться малюсеньким ключиком, не открывать одну запертую дверь! Ну и что? Не послушалась дурочка, результат печален. Просил вас Борис не вмешиваться в его дела, не сообщал адрес офиса, не приглашал сюда? И не следовало приезжать. Чего вы добились?

– Пусть, – закричала Зоя, – я не домашнее животное, не пудель, хочу знать про мужа все.

– Глупое и опасное желание, – ответила Рита.

Их перебранку перебил Борис Олегович. Очевидно, он находился где-то неподалеку, раз добрался за десять минут.

Выпроводив Маргариту из кабинета, Боря сказал:

– Хорошо, поговорим откровенно. Рано или поздно, но нам пришлось бы обсудить свои дела. Значит, ты хочешь знать правду о моем бизнесе?

Агишева кивнула.

– Уверена? – уточнил он. – На мой взгляд, женам лучше найти себе какое-нибудь увлечение и не лезть в мужские дела. Но ты, похоже, не успокоишься, еще додумаешься частного детектива нанять, следить за мной начнешь. Так?

– Да, – храбро ответила Зоя.

– Ладно, – пожал плечами Борис, – тогда слушай.

Все оказалось враньем. Не было адвоката со смешной фамилией Ветошь. Был недоучка-студент, выгнанный из института за хроническую неуспеваемость. Особняк с роскош-

ными интерьерами принадлежал российскому миллиардеру, который давно не появлялся на родине. Олигарх хотел, чтобы в доме кто-то жил, но сдавать его не собирался. Борис взялся оказать ему дружескую услугу. Нет, он не получал от богача денег, как сторож, жил там на правах доброго приятеля. Очень давно, еще в юные годы, Боря усвоил две простые истины. Дружить надо исключительно с нужными людьми. И вторая: что ты сам о себе сказал, то потом народ и повторит.

У Бориса был явный талант завязывать отношения, нюх на людей и умение правильно расставлять приоритеты. Решив на заре молодости добиться успеха и богатства, парень на последние деньги купил шикарную одежду, арендовал новую иномарку, проник на частную вечеринку, которую устраивали в одном из первых московских клубов, и подружился со всеми гостями. Веселый, общительный адвокат Боря, который легко мог дать бесплатный совет по любому поводу, быстро стал популярной личностью. Никто не проверял деталей его биографии, Борис самозабвенно врал об учебе в юридическом колледже Лондона, мог показать диплом, вполне сносно болтал на английском и очень скоро стал улаживать разные конфликты. Ну, например, такой. Павел, сын колбасника Никиты Георгиева, будучи в гостях, украл у хозяина дома, владельца крутого торгового центра Михаила Кулибина, несколько ценных безделушек. Юноша был наркоманом, Михаил не собирался подавать на него в суд, но и прощать не хотел. Никита обратился к Боре, тот съездил к

Кулибину и враз уладил дело. Теперь Павел лечится в клинике, а Никита с Мишей чудесно проводят время, встречаясь у общих знакомых. Никто, кроме них, ни о чем не узнал. Борис Олегович никогда не распускает язык, все доверенные ему тайны тонут, как в зыбучем песке. Он не требует денег, помогает исключительно по доброте душевной, платы за свои услуги не назначает, не дерет, как принято у адвокатов, по семь шкур с клиентов. Георгиев не заплатил миротворцу ни гроша, зато подарил ему на Новый год особую золотую карту, предъявив которую Борис может приобрести в магазинах Никиты любую продукцию бесплатно. Сами понимаете, Георгиев даже не заметит потери, пара килограммов сосисок, ветчины, буженины никак не отражается на его многомиллионном бизнесе. Зато Ветошь с той поры ни разу не покушал мясные изделия. Пустячок, а приятно. Полеты на частном самолете, отдых в Ницце на шикарной вилле, дорогие часы – все это подарки за услуги, оказанные Борей.

Ветошь легко уговаривает жен не поднимать шум, если те застают супруга со своей подругой, которая одновременно является официальной спутницей жизни его партнера по бизнесу. Он удерживает свекровь, рвущуюся порвать в клочки наглую провинциалку, решившую войти в приличную семью на правах невестки. Или, наоборот, объясняет тем самым провинциалкам, что лучше им остаться в своем маленьком городке, жить там в новой квартире, кататься на симпатичной машине и завести семью с простым парнем. Просьбы

бывают разные. Один раз дочь врача, тайно делающего аборт на больших сроках беременности, изъявила желание поучаствовать в ежегодном бале дебютанток, который устраивался в Лондоне. Стоит ли упоминать, что туда приглашают исключительно самых родовитых или бешено богатых девочек. Наследница московского гинеколога не соответствовала ни тому, ни другому требованию. Борис почесал в затылке, и, оп-ля, красавица вальсирует в объятиях какого-то баронета под одобрительное покашливание английской знати.

Для Бориса нет ничего невозможного.

Однажды избалованная Рада Калинина объявила своему папеньке-депутату, что откладывает свадьбу, потому что не может найти платье, достойное ее.

Калинин позвонил адвокату около часа ночи и заорал:

– Борь, ты спишь?

– Теперь уже нет, – засмеялся тот. – Что-то стряслось?

Государственный чиновник разразился длинной тирадой. Если отбросить кучу матерных слов, на которые не покусился народный избранник, суть формулировалась просто. Свадьба Рады не только ее торжество. Папа созвал кучу нужных людей, разослал им приглашения за месяц, оплатил банкет, договорился о приезде поп-звезды с Запада, короче, приготовил все, а теперь эта дрянь, которую непоправимо избаловала мать, эта мерзавка, эта коза, эта хренова девка заявила отцу:

– Мне плевать на твои расходы. Замуж выходят один раз!

Хочу платье, которое хочу! Эксклюзив! Чтобы о нем все журналы написали. Нет наряда, катитесь лесом!

– И зарыдала. Кто внушил дуре мысль, что у нее в жизни будет только одна свадьба? Во второй раз купим ей супер-пупер шмотье! Но нет, уперлась, блин!.. Помогите, Боря, может, ты чего придумаешь. Да и девку жаль, хоть она и козища, но ведь своя, любимая, единственная, наивная дурочка.

– Не части, Калинин, – остановил депутата Ветошь. – Можно привлечь к делу твою мать?

– Марья Ивановна сделает все! – пообещал отец капризной девицы.

На следующее утро бабушка приехала к внучке с кофром и, всплакнув, рассказала историю про то, как дедушка купил ей подвенечное платье у мало кому известной тогда Шанель. Вот оно, винтажное, померяй, Радочка! Эксклюзив всем эксклюзивам.

Рада завизжала от восторга, жених чуть не зарыдал от радости.

– Ты гений, – сказал депутат Боре, – проси, что хочешь!

– С ума сошел? – возмутился Ветошь. – Я друзьям услуги за деньги не оказываю.

Депутат не хотел остаться в долгу, на день рождения он подарил Борису Олеговичу... мигалку. Теперь автомобиль господина Ветошь украшал синий маячок, что значительно облегчило жизнь адвоката.

– Мое платье! – прошептала Зоя, услышав эту часть рас-

сказа. – Я тогда не ошиблась.

– Солнышко, не сердись, – попросил Боря. – Депутат очень нужный человек.

– А драгоценности? – не успокаивалась Агишева.

Муж сделал умоляющее лицо.

– Золотце, они с самого начала были... э... конечно, очень красивые, но не... с дорогими камнями.

– Ты дарил мне подделки! – подпрыгнула Зоя. – Вот почему ты настаивал, что бриллианты покупает только муж, утверждал, что женщине самой стыдно покупать себе украшения.

Борис развел руками.

– Я совсем не так богат, а окружению надо соответствовать. Жена – витрина семьи, мне приходится выкручиваться.

– Особняк не наш, машины предоставлены нам в пользование, камни – стразы, летаем мы на чужих самолетах, отдыхаем там, куда позовут. Есть у нас хоть что-нибудь свое? – почти в отчаянии спросила Зоя.

Борис кивнул.

– Ну конечно, кое-какие деньжата я зарабатываю, но их хватает лишь на твои мелкие капризы.

Зоя схватилась за голову.

– А шуба от Елены Ярмек, которую ты мне принес на Новый год? Она откуда?

Боречка улыбнулся.

– Ярмек дизайнер с мировым именем, в ее вещах ходит

пол-Голливуда, например, Шерон Стоун. Скажу честно, манто мне принес Константин Рогоулькин, я ему одну проблему утряс. Вот Костя от радости и припер мне мужскую доху из соболя. Я ему сказал: «Рогоулькин, я тебе не сутенер, чтобы в шкурах ходить. Только женщины в мехах рассекают. Забирай назад, ничего мне не надо, я с друзей ни нитки, ни копейки не беру». Ну, он наавтра с шубейкой от Ярмак и примчался, упрасивал: «Пусть Зочка носит».

– Здорово, – горько констатировала Агишева. – Готова спорить, что информацию о женитьбе на наследнице миллионеров, русской княжне, гражданке Франции, владелице замка на Луаре ты распространил сам.

– Золотце, – протянул Борис, – я чуть-чуть приукрасил правду, кому от этого хуже? Зато нас сразу позвали в такие дома, куда мне раньше пути не было.

– Ты врун! – не выдержала Зоя.

– Ангел мой, все лгут, – засмеялся муж, – а я чуть-чуть видоизменяю действительность. Ты из Парижа? Да. Мы живем в особняке? Да. Можем себе позволить полететь в любую страну мира? Да.

– Но у нас нет собственных денег, – отрезала Зоя.

– У нас нет много денег, – уточнил Борис. – А зачем они нам? Стану брать звонкую монету, живо из друга превращусь в кого-то вроде консьержа. Вспомни мой день рождения. Можешь перечислить хоть часть подарков?

Зоя потеряла виски.

– Владелец фирмы «Золотой лимузин» вручил тебе карточку на бесплатное вечное обслуживание: по первому требованию к дому подадут машину вип-класса с шофером.

– Можешь остановиться, – сказал Боря. – Зачем нам деньги? Парадоксально, но это факт, если я скажу: «Ребята, гоните тугрики», – мы превратимся в бедняков, я опущусь до уровня прислуги, а таким много не дают. Богатые люди умеют считать деньги. Это бедный постесняется показать в магазине, что у него в кошельке пусто, а олигарх померяет пальто в бутике и скажет: «Хорошая вещь, но подожду распродажи».

Есть и другой момент: другу стыдно дарить барахло. Когда ты с человеком на равных, ему мыло в виде свинки не притащишь. Петр Булкин, владелец «Золотого лимузина», сколько евро он мне за услугу отсчитает? Не очень густо, тебе пару раз в спа сходить, а мне он карточку преподнес, обеспечил бесплатной машиной. И, кстати, за походы в салон красоты тебе тоже расплачиваться не приходится. И прислуга, и садовник, и вообще все у нас без денег. Мы живем, как когда-то обещали коммунисты народу, на полном обеспечении, не тратя ни копейки. И у нас статус, тебе завидуют, все считают, что я купил особняк, мы купаемся в деньгах.

Глава 4

Бедная Зочка вернулась домой в состоянии, близком к истерике. А вы бы какие чувства испытали, узнав, что в любой момент можете очутиться на улице? Ночью муж попытался утешить ее. Он спокойно объяснил: никто их из дома не выгонит, у настоящего хозяина, олигарха, особняки по всему миру. На одной Рублевке ему принадлежат три здания. Недвижимость для владельца – вложение денег.

– Успокойся, ангел мой, – нежно говорил Борис, – мы в этих стенах спокойно проведем не один год.

– А потом куда? – зарыдала супруга. – На улицу? Или нам вернуться в Париж? Ты, конечно, всем спел песню про прекрасные апартаменты в районе Сен-Жермен. Но я-то знаю, что мне досталась после смерти мамы крохотная двушка под самой крышей на улице Сен-Сюльпис, там развернуться негде.

– Заинька, в чем ложь? – засмеялся Борис. – Квартира в столице Франции есть?

– Да, – кивнула Зоя.

– Из наших окон виден Люксембургский сад, так?

– Ну, верно, – пришлось снова согласиться ей.

– Шикарное место, – потер руки Борис, – до Лувра можно пешком дойти.

– Но там комнаты по десять метров, – возразила Зоя. –

Вместо кухни ниша с однокомфорочной плитой, ванны нет, только душ.

– Это никому не нужные детали, – отмахнулся Боря. – Главное другое. Госпожа Агишева владеет недвижимостью в историческом центре города, если захочет, на своих двоих дотопает до бывшего дворца Людовиков. В каком году построено здание, где твои апартаменты находятся?

– Семнадцатый век, – уточнила Зоя.

Ветошь захохотал.

– Золотце, одной этой фразы хватит, чтобы наши знакомые от зависти маникюр сгрызли до локтей. Вау! У нас апартаменты с видом на Люксембургский сад, в домике времен Бурбонов. Мы сразу подрастаем в глазах людей на десяток миллионов евро. Боюсь тебя разочаровать, но «быть» и «казаться» разные глаголы. Многие твои приятельницы щеголяют на вечеринках во взятых напрокат драгоценностях и платьях, выдают снятые квартиры за свои, а их мужья продают воздух. Есть хороший анекдот про российский бизнес. Два крутых мужика договорились о выгодной сделке, один продает другому партию телевизоров. Ударили по рукам, подписали договор и разошлись. Один пошел искать, где ему взять эти телевизоры, второй стал думать, у кого одолжить денег, чтобы их приобрести, и как найти склад для размещения товара. Успокойся, все так живут, ну кроме, может, человек пяти, действительно богатых.

Но Зоя продолжала рыдать, и тогда муж показал ей бума-

гу:

– Смотри, солнышко, это страховка. В случае моей смерти компания «Метра» обязана выплатить тебе пять миллионов евро. Пока я жив, у тебя не будет проблем, но, если я скончаюсь раньше тебя, ты не пойдешь по миру. Пять лимонов, помещенных в банк, дадут проценты, на которые ты сможешь прожить. Успокойся, золотце. Будущее прекрасно. Нищета более никогда не протянет к тебе свои костлявые руки.

После этого разговора с Агишевой произошли изменения. Она стала присматриваться к знакомым и поняла: Борис прав. Умение пускать пыль в глаза свойственно многим людям, просто Ветошь довел его до великого искусства: в богатстве адвоката никто не сомневается. Ее отношение к мужу также трансформировалось. Сначала Зое было обидно. Супруг ведь обманывал ее. Агишева дулась, говорила с Борей сквозь зубы, но потом признала, что он не лгал. Он никогда не говорил ей о своих несметных капиталах, просто жил широко. Она сама посчитала мужа мультимиллионером. Чувство к Борису стало возвращаться, и, вероятно, у них мог начаться новый медовый месяц. Но Ветошь покончил с собой.

Зоя замолчала, мы с Федором тоже не произнесли ни слова, клиентка сдвинула брови:

- Я хочу получить страховку.
- Вполне понятное желание, – согласился Приходько, – пять миллионов евро достойная сумма.
- В случае самоубийства вознаграждение не выплачива-

ется, — напомнила я.

— Точно! — воскликнула Зоя Владимировна. — Вы должны доказать, что Бориса убили.

Шеф смахнул со стола невидимые глазу пылинки.

— Хотите кофе? — предложила я клиентке. — У нас есть очень вкусное печенье.

Зоя окинула меня быстрым взглядом.

— Мерси, я слежу за своим весом, практически не употребляю ни мучное, ни сладкое. Давайте отбросим светские любезности. Я честно рассказала вам о положении вещей. Я очень нуждаюсь в деньгах. Да, пока я живу на прежнем месте, но владелец особняка попросил его покинуть, и машины с водителем от «Золотого лимузина» у меня уже нет, услуга предоставлялась Борису, а не его жене, вернее вдове. Согласитесь, статус дамы, похоронившей спутника жизни, совсем другой. Я могу в ближайшее время в буквальном смысле слова оказаться на улице. Возвращаться в Париж, в нору на Сен-Сюльпис, после Рублевки тяжело. Да и растеряла я во Франции все контакты. Хочется сохранить внешнюю успешность, поэтому я везде твержу:

— Не могу жить в доме, где любая вещь напоминает о дорогом муже и наших счастливых днях. Особняк велик для одной женщины, продам его, куплю меньший и постараюсь жить дальше.

Ковать железо надо, пока оно горячо, пока люди еще помнят, как им помогал Борис. Через пару лет о вдове адво-

ката никто беспокоиться не станет. Для поддержки имиджа мне надо покупать продукты на рынке в Барвихе, в «Глобус-Гурмэ» в Жуковке, заглядывать в «Дрим-хаус», обедать в «Ветерке», ужинать в «Чайхане». Если переберусь жить, допустим, в элитное для простого человека Крылатское – все. Госпожа Агишева вне тусовки. Мне нужен дом, пусть крохотный, скромный, но именно на Рублевке. Страховка позволит его приобрести. Я еще молода, могу выйти замуж, но никогда не смогу ютиться в стандартной трешке, ждать с работы супруга – машиниста метро и испытывать счастье. Я уважаю простых людей, но падать вниз страшно. Ветошь прекрасно относился к скромной девочке из Парижа, он открыл перед наивной дурочкой невиданные горизонты, но, с другой стороны, он меня испортил. Если сейчас я войду в дешевый продуктовый магазин, сама отправлюсь за картошкой и курицей, чтобы лично сварить супчик на неделю, то разрыдаюсь от горя. Из князи в грязи путь намного более трудный, чем наоборот. Я привыкла, что за корнеплодами ходит домработница, а я заглядываю в лавку за шоколадными конфетами и элитными винами. Я с вами предельно откровенна.

Приходько откинулся на спинку стула.

– Страховые компании всего мира закрывают платежи в случае самоубийства.

Зоя кивнула:

– Знаю. Но Борис не покончил с собой, его убили. Вам надо доказать, что адвокат Ветошь – жертва хитро задуман-

ного преступления.

– Наверно, по факту смерти вашего супруга велось следствие? – предположил босс.

Агишева кивнула:

– Конечно, я объяснила следователю, что Борис Олегович не имел ни малейших причин покончить с собой, да еще с помощью паука.

Я разинула рот.

Зоя Владимировна поморщилась:

– Я сильно нервничаю, поэтому говорю сумбурно. Давайте по порядку.

– Хорошая идея, – воскликнул Федор, – начинайте.

Зоя Владимировна опять заговорила без остановки.

Отец Бориса преподавал биологию, мальчик рос среди животных. Собаки, кошки, хомяки, крысы, рыбки, черепахи – кого только не держал Олег Яковлевич! Но особую страсть он питал к паукам. В квартире преподавателя повсюду стояли аквариумы, в которых обитали членистоногие.

В свободную минуту отец вынимал какого-нибудь птице-еда и говорил сыну:

– Человек амбициозен, поэтому называет себя венцом природы. Но на самом деле *homo sapiens* – жалкое двуногое, в природе есть масса других прекрасных созданий. Сейчас ученые знают сорок одну тысячу видов пауков, но их намного больше, не все пока изучены, кое-кто ни разу не попался на глаза людям.

Олег Яковлевич не сумел наладить добрые отношения с подростком, Боря не слушался отца, наперекор его желанию поступил не на биофак, а на юридический факультет, потом, несмотря на гневные вопли папеньки, вообще бросил учебу, порвал с родителями и не виделся с ними. Но вот парадокс: Борис спустя годы стал страстным любителем пауков.

В отличие от скромно живущего Олега Яковлевича, мечтавшего побывать в Тунисе, чтобы увидеть скорпионов в природе, но так и не попавшего в Африку, его сын имел большие возможности и лучшие жизненные условия. Аквариумы с насекомыми по всему дому не стояли, для них была оборудована специальная комната.

Зоя не разделяла страсти мужа. Много вы знаете женщин, испытывающих нежность к паучищам размером с чайное блюдце? Агишева визжала при виде обычной «косиножки», а Борис обожал лечь на диван и наблюдать за любимцами, некоторые из которых были опасны.

Однажды Борис примчался домой в приподнятом настроении и показал Зое контейнер, в котором сидело нечто невообразимо мохнатое, покрытое, как показалось ей, шерстью черно-белого окраса.

– Жуть, – обмерла она, – унеси немедленно!

Ветошь не услышал супругу.

– Полюбуйся, какая красота! Отличный экземпляр, за него все зоопарки мира передерутся.

– Наверное, он дорогой, – выдавила из себя Зоя.

– Ну, мне его подарили, – довольно засмеялся супруг, – дареного коня о цене не спрашивают. Знаешь, кто это?

– Паучок, – дрожащим голосом сказала Зоя.

– Арлекин, – пояснил Борис, – название он получил за черно-белую спинку. Коренное население, живущее по берегам Амазонки, держит арлекинов в качестве охранников. Интеллект этих уникальных созданий равен уму детсадовца. Арлекин понимает ряд слов, выполняет команды, он привязывается к одному хозяину и всегда его защищает. Этот паук лучше любого оружия, его укус смертелен. И вот что интересно, если арлекин выпустит яд в рану, он сам тоже умирает. Защищая человека, он гибнет. Это покруче собачьей верности. В природе арлекин может прожить до двадцати лет. Он питается мухами, червячками, личинками, думаю, мой не откажется от телячьей печени. Ну что, Павлуша, подружимся?

– Унеси его скорей в паучью комнату, – дрожащим голосом попросила Зоя.

Борис взял контейнер.

– Арлекинов считают выдумкой местных племен, кем-то вроде Циклопа или Минотавра. Долина реки Амазонки – мало изученная территория, там обитают невероятные создания, инопланетные, сказочные. Не всякий исследователь сможет пройти нехожеными тропами, не каждый решится отправиться в опасный путь, не у всякого хватит денег. Но встречаются отважные, даже бесшабашные авантю-

ристы, имя им – охотники за экзотами. Вот один такой парень и поставляет арлекинов. Понимаешь, научный мир вроде как этого паука еще не признал, но он существует.

Через полгода после знакомства с арлекином Зоя пошла за супругом в паучью комнату. Зачем ей вдруг понадобился муж, она позабыла сразу, как только переступила порог.

Борис сидел у стола, перед ним под лампой вольготно устроился волосатый паучище. Ветошь нежно гладил ему спинку.

– Он тебя укусит! – закричала Зоя.

Супруг обернулся:

– Кто? Павлик? Никогда. Скорей уж в меня зубы парочка друзей вонзит. Павлуша меня обожает, я кормлю мальчика, выгуливаю, беседую с ним, знаю все его проблемы, мы общаемся. Правда, Павлуша?

– Насекомые безмозглые, – сказала Зоя.

– Ошибаешься, золотце, – усмехнулся Борис, – хочешь, покажу, какой Павлуша умный? Сядь на диван и не шевелись. Ну, не бойся!

Агишева бочком протиснулась к софе и замерла. Боря отошел от стола к стене и почти шепотом произнес:

– Павлуша, иди к папе. Павлуша, иди к папе.

Паук медленно повернулся.

– К папе, – твердил Боря.

Арлекин сделал шаг, другой, а потом побежал. С невероятной скоростью он слез со стола и побежал по полу по

направлению к адвокату. Зоя не заорала лишь по причине паралича голосовых связок, ужас лишил ее способности издавать любые звуки.

Павлуша в считанные доли секунды достиг Бори, полез вверх по брючине, рубашке, по шее, взобрался на макушку и начал рыться лапками в волосах.

– Спасибо, милый, – с чувством произнес Ветошь, сажая паука в аквариум, – я тебя тоже очень люблю.

– Он может укусить, – пискнула Зоя, – насмерть.

– Только не меня, – убежденно произнес Борис, – арлекины обожают своих хозяев. Впрочем, если уметь с ним обращаться, то и постороннего он не тронет. У паука на спине есть орган, вроде фотоэлемента, накроешь его непроницаемым колпаком, и Павлик в секунду заснет. Их так ловят. Набрасывают сверху корзинку, обмазанную глиной, потом снизу поддевают лопаткой, и готово. Мог бы тебе показать, но не стану. Насильственное погружение в сон – сильный стресс для паука, он, когда снова светло становится, очень раздраженным делается, переживает, нервничает.

Глава 5

– Оцените мое состояние, когда я узнала, что Боря покончил с собой при помощи паука, – вздохнула Зоя. – Арлекин цапнул мужа за шею.

– Оригинальный способ свести счеты с жизнью, – признала я, – но, вероятно, для Бориса он был наиболее приемлем. Яд быстро действует?

– Мгновенно, – кивнула Агишева, – ну, может, несколько секунд пройдет. Я сразу заявила следователю: «Павлуша не мог кинуться на хозяина, исключено, он верное, благородное насекомое».

Федор чуть склонил голову к плечу:

– Люди могут погибнуть от укусов собаки или кошки. Животное не стоит очеловечивать. Неизвестно, что творится у него в башке. А уж тем более у паука. Ваш муж оставил предсмертное письмо?

– Да, – печально сказала Зоя, раскрыла сумочку и протянула Приходько сложенный вчетверо лист бумаги, – вот оно. Босс взял листок.

– Полагаю, отпечатки пальцев с него снимали?

Агишева пожала плечами:

– Понятия не имею.

Федор развернул записку и начал читать вслух:

– «Положение вещей кажется мне безнадежным. Обрат-

ной дороги нет. Темнота за окном. Чернота на душе. Даже свеча на столе не дает света. Мрак и туман. Нет звезд на небе. Я ухожу навсегда, потому что хочу уйти. Я очень хочу уйти! Прощай. Мы не встретимся боле, друг другу руки не пожем. Прощай, твое сердце на воле, но счастья не сыщет в другом».

Чуть ниже шла четкая подпись. Ни завитушек, ни росчерков, этакое детское, аккуратное, с тщательно выписанной каждой буковкой «Борис Ветошь».

– Последние строчки – цитата из Лермонтова, – сказала я.

– Уверена? – спросил Приходько.

– Абсолютно, – ответила я, – известное стихотворение.

Включалось ранее в школьную программу, вот только не скажу, точно ли оно процитировано. Странная записка. Ни обращения к жене, ни объяснения причин, по которым Борис решился на роковой шаг.

Зоя обрадовалась:

– Вот видите! Я сказала те же самые слова следователю... минуточку... принесла его визитку... Эльдар Магометович Дзаев. Он меня не слышал, вернее, не слушал, сидел, карандаш в пальцах вертел, а потом и говорит: «Зоя Владимировна, я тут поизучал финансовые дела вашего мужа и понял: Борис Олегович вообще никаких средств не имел. Рассказы о его богатстве – блеф, на счете у адвоката двести тысяч рублей. Для простого человека это хорошая сумма, но не для вас. Причина ухода из жизни понятна: проблема с финанса-

ми».

Агишева, как школьница, сложила руки на столе и продолжила:

– У меня создалось впечатление, что Дзаев хотел побыстрее от меня избавиться, бросить папку в архив. Я исчерпала аргументы, говорила, что паук не мог укусить хозяина, обращала внимание на странную форму записки, но Эльдар Магометович был каменной стеной. Но я-то понимаю, что мужа убили. Какие у него причины для суицида? Он всегда жил без денег, я вам уже объяснила, откуда взялись дом, машины и прочее. Боря никогда не пребывал в депрессии. Максимум, что он мог, это, выпив рюмку, жახнуть ее об пол и воскликнуть: «Либо жизнь тебя трахает, либо ты ее! Прорвемся с песней! Сегодня тучи, завтра светит солнце».

Понимаете, Борис не унывал. Ну и паук. Можете считать меня полной дурой, но насекомые для мужа были как дети. Хотя нет, детей он как раз не любил. Пару раз, вроде в шутку, Боря мне говорил: «Золотце, если я вдруг умру, ты должна позаботиться о паучатах, пусть они счастливо доживают своей век».

Но я понимала, супруг всерьез озабочен судьбой питомцев. Он никогда бы не обрек обожаемого Павлушу на безвременную кончину. Уж кто-кто, а Боря знал: выпустив яд, его мальчик неминуемо погибнет.

Приходько потер рукой затылок.

– Известны случаи, когда хозяева-самоубийцы, прежде

чем уйти из жизни, усыпляли своих собак-кошек, боясь, что те попадут в чужие, злые руки.

– Тогда Борис опустошил бы все аквариумы! – воскликнула Зоя. – Он обожал паучью колонию. Но только мои здоровые аргументы для следователя Дзаева – пшик. Эльдар Магомедович напоминал болото: кинешь туда булыжник – чмок, оно его поглотило. Швырнешь слиток золота – чмок, опять сожрало. Различий между кирпичом и драгоценным металлом для трясины нет. Дзаев высказался конкретно: «Нет оснований считать, что это убийство».

А потом Дзаев взял и умер. В двадцатых числах мая. От инфаркта.

Понятно, что страховая компания мне в выплате откажет. И это лишь подтверждает, что муж пал от руки киллера. Он любил меня, позаботился о полисе и... отравился? Нонсенс! Боря хоть и не получил диплома юрфака, но кое в чем хорошо разбирался, знал про недействительность полиса в случае суицида.

– Любовь, – задумчиво протянул Приходько, – не простая штука. В принципе, все преступления происходят из-за нее, вопрос лишь в том, что страстно любят: женщину, мужчину, ребенка, родителей, деньги, карьеру, имидж или крохотную жилплощадь. Тань, помнишь милую бабулю, которая из-за комнаты в коммуналке семь человек в гроб уложила и не пожилась?

Я кивнула, а Федор повернулся к Зое:

– Кто из ваших знакомых знал о страсти Бориса к паукам?

– Все, – ответила та, – дарили мужу пресс-папье в виде членистоногих, сувенирную продукцию с их изображением. Боря часто предлагал гостям: «Пошли, покажу своих красавцев». Дамы сразу отказывались, мужчины, в основном, тоже.

– Можете дать нам список друзей адвоката? – попросила я.

Зоя вынула из сумочки сигареты.

– В нашем офисе не курят, – сказала я, – никотин и смолы убивают не только того, кто дымит, но и окружающих.

– Здорово! – сказала Зоя. – Прямо как в Париже, там теперь народ зимой под дождем на улице обедает, сидят за столиками, в тарелки льет. А все из-за запрещения курить в помещении. В отношении приятелей сразу не отвечу. Возьмите сотню «Форбс», прибавьте к ней население Рублевки, приплюсуйте армию дипкорпуса, депутатов, чиновников, звезд шоу-бизнеса. Я не могу назвать всех, кто захаживал в наш дом. На последний день рождения Бори пришло более пяти сот человек, мы подарки потом месяц разбирали, а букеты прислуга воткнула в землю вокруг особняка, в доме тысяча метров, может, чуть больше, так клумб получилось три кольца.

– Речь идет о самых близких, – уточнила я, – лучших друзьях.

– Они все были лучшие, – вздохнула Зоя.

– Родственники? – заехал с другого конца Приходько.

– Моя мама давно скончалась, – с грустью произнесла Агишева, – отца я не помню. Бориных родителей никогда не видела, оба ушли из жизни до нашей женитьбы. Братьев, сестер, теток, дядей, племянников и прочих у нас не было.

– Наверное, бесполезно спрашивать, кто мог ненавидеть адвоката, – протянул Федор.

– Никто, – решительно ответила Зоя, – он всем помогал, разруливал ситуации и никогда не выдавал чужих тайн. За годы брака я ни разу не видела супруга подшофе, пара рюмок вечером или бокал вина в компании не в счет. Боря был открыт, обаятелен, весел. Всегда в отличном настроении, никогда никого не грузил, казалось, у него нет и не будет проблем, он шел по жизни смеясь. Его обожали за оптимизм и доброжелательность. Спросите любого и услышите: «Боб? Да он чудо, солнечный человек».

Но при всей своей открытости Борис Олегович никогда не позволял себе сплетен. Банковская депозитная ячейка менее надежна, чем он.

– Недоброжелатели были, – сказал шеф, – кто-то же направил вас в офис Бориса Олеговича, объяснил, как обстоят дела на самом деле. На кого-то лжеадвокат не смог произвести нужного впечатления.

– Я не знаю этого человека, – прохныкала Зоя.

– Компьютер, ежедневник, телефон, – перечислил Федор.

– Там ерунда, наши фотографии, огромное количество контактов и памятки вроде: «У Лены Павловой день рожде-

ния, отправить букет». Борис был крайне внимателен, он заносил в записную книжку даты именин жен друзей, детей, матерей. Но никаких рабочих записей.

– Все равно, хотелось бы посмотреть на его комп, – сказал шеф.

Зоя достала из сумки тоненький ноутбук:

– Пожалуйста, изучайте, я его специально прихватила, знала, что попросите.

– Если никаких деловых следов дома нет, вероятно, они есть в офисе, – предположила я.

По лицу Зои скользнула тень.

– Помещение нельзя в полном смысле слова назвать офисом. Когда-то Борис оказал Маргарите некую услугу, полагаю, очень и очень существенную. Рита отплатила ему сторичей. Борису Олеговичу требовалось место, где он мог бы спокойно поговорить с человеком, не опасаясь посторонних глаз и ушей. Снять офис в центре очень дорого, в домах живут люди, не все клиенты адвоката хотят светиться. Рита предложила Борису бесплатно пользоваться одной из ее комнат. Ей от родителей досталась по нынешним меркам шикарная жилплощадь. Кремль из окна видно. На дверь привернули табличку, и получилось прекрасно. Рита все равно жила у нас.

– И Борис обрел бесплатный кабинет в центре Москвы, – подхватил Приходько, – не удивлюсь, если вы скажете, что Маргарите за работу в особняке платил кто угодно, но не

Ветошь.

– Это подарок Святослава Зорькина. Он владелец бюро по подбору персонала, – подтвердила Агишева, – вся наша прислуга от него была: горничные Алиса и Лариса, экономка и садовники. Последние часто менялись, я их не запоминала. Но сейчас у меня никого нет, Зорькин больше людей не дает. У Маргариты Боря документы держать не мог. Исключено.

Я откашлялась.

– Зоя Владимировна, это неприятный, бестактный вопрос, но придется его задать. Имел ли ваш муж связи на стороне?

Глаза Агишевой стали похожи на совиные.

– То есть путался ли Боря с бабами? Нет, нет! Он был примерный семьянин.

Мы с Федором переглянулись, Зоя рассердилась.

– Не надо думать, что я дура, последней узнающая о неверности супруга. И я не из категории цыпочек, которые ради шубы и поездки на сафари молча терпят присутствие другой бабы. Секс для Бори был на последнем месте, ему от природы достался не очень горячий темперамент. В первые месяцы после свадьбы Боря забирался ко мне под одеяло пару раз в неделю, потом промежуток между интимом увеличился и, в конце концов, составил несколько месяцев. Борис не Дон Жуан по натуре, его радовали шикарный автомобиль, часы, эксклюзивные костюмы, полеты на частных самолетах, общение на равных с сильными мира сего. Думаю, мы бы с

ним вообще с этим делом завязали, но как-то неудобно, все ведь живут половой жизнью. Пожалуйста, найдите убийцу Бори, мне очень нужны деньги.

Приходько постучал пальцем по столу.

– Зоя Владимировна, мне не понятно, каким образом адрес рабочего кабинета вашего мужа, который никогда не был официально оформлен как офис адвоката, попал в Интернет.

– Понятия не имею, – заморгала Агишева, – а как там все оказывается? Кто-то его разместил. Я не опытный пользователь, но набрала имя, отчество, фамилию супруга и увидела информацию. В двадцать первом веке трудно хранить тайны, да Боря и не скрывался. Он не имел права называться адвокатом, но, когда его так именовали, не протестовал. А вот на двери «офиса» висела табличка с одной фамилией. То, что в Интернете указано: «Адвокатская контора Бориса Ветошь», на совести того, кто разместил это.

– Можно личный вопрос? – не удержалась я.

– Задавайте, – холодно разрешила Агишева.

– Почему вы не взяли фамилию мужа? – спросила я.

Посетительница хмыкнула.

– Зоя Ветошь! Красиво звучит? В этом случае лучше было остаться Агишевой.

После того как дама покинула кабинет, я сердито сказала Федору:

– Она его не любила.

– Любит, не любит, плюнет, поцелует, – протянул шеф, –

вас ист дас любофф? Кто знает? Точно не я. Какие мысли по делу?

Я пожала плечами.

– Стандартные. Ноутбук отдам Коробкову, пусть покопается в электронных мозгах, одновременно велю хакеру всех времен и народов собрать сведения о господине Ветошь. Сама встречусь с Маргаритой, частенько подруга знает о жизни хозяина больше, чем его жена. Еще хорошо бы поболтать со следователем Дзаевым, но он, по словам Зои, умер. Я проверю это.

– Странная записка для самоубийцы, не находишь? – спросил босс. – Без имени жены. В принципе, она могла быть обращена к кому угодно.

– Любые непонятные факты имеют объяснение, – ответила я и взяла со стола листок с номерами телефонов, которые написала Зоя.

Первый звонок я сделала Маргарите. Бывшая экономка совершенно не разволновалась, она спокойно ответила:

– Встречусь с вами без проблем, но я работаю до восьми, дома буду в девять, раньше не получится.

– Если это для вас не поздно, то я приеду к этому времени, – обрадовалась я.

– Пожалуйста, буду рада, – вежливо завершила беседу Рита.

Следующий звонок я сделала следователю и, услышав хриплое «алло», быстро спросила:

– Эльдар Магометович? Вас беспокоит...

– Ну чтоб вас всех разорвало! – завопил мужик. – Надоели, блин. Нету здесь вашего чертова Махмудовича!

– Магометовича, – автоматически поправила я.

– И его тоже! – гаркнули в ответ, потом полетели короткие гудки.

Я опять набрала номер.

– Извините, но...

– Девушка, – на этот раз устало произнес грубиян, – извините, я наорал на вас, некрасиво получилось. Я со смены, только заснул, а тут вы трезвоните.

– Простите, не хотела никого потревожить, скажите, где Эльдар Магометович? – вежливо спросила я.

– Откуда мне знать? – снова взвился дядька. – Я купил новую симку, теперь издергали, подавай им Мартиросяныча.

Я быстро отсоединилась, взяла ноутбук Бориса, положила его в сумку и нажала на кнопку быстрого набора на своем телефоне.

– Коробков, – напряженным голосом ответил Димон.

– Сергеева, – представилась я, – ты вообще сегодня в контору собираешься? У нас дело.

– Пока я дома, вырваться не получается, – неожиданно шепотом сказал дедушка российского компьютера.

– Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе, – речитативом пропела я, – лечу к тебе на крыльях. Проверь, пожалуйста, где сейчас находится следователь Эльдар Маго-

метович Дзаев, прости за каламбур.

– Осталось уточнить, кто из нас гора, – хмыкнул Димон.

Я запихнула сотовый в карман. Вот и делай после этого друзьям приятное! Ты ему работу с доставкой на дом, а он потешается над твоими габаритами. Ладно, вот сяду на диету, сброшу килограммов пятнадцать, и поглядим, кто смеяться будет. Кстати, Димон из-за страсти Лапули постоянно стоять у плиты сам обзавелся брюшком. И вообще, я стараюсь следить за своим весом, каждый день натошак встаю на весы. Если в окошечке выскакивает меньшая, чем вчера, цифра, я всегда награждаю себя на завтрак лишним круасаном. Коли вижу большее количество килограммов, утешаюсь одной булкой с корицей. На мой взгляд, это очень правильная система, она позволяет худеть без стресса. Вот только что-то в последнее время я вешу все больше и больше. Вероятно, от слишком интенсивного рабочего графика и малого количества сна.

Глава 6

Первой, кого я увидела, войдя в прихожую, была Лапуля, похожая на воздушный шарик на тонких ножках.

– Танюшка, – заговорщицки зашептала она, – стой пока тут. Сейчас провожу Мусю и отведу тебя на эшафот к Карфагенычу. Я его боюсь! Прямо лед между лопатками течет. Зачем он нам?

– Привет, Лапа, – весело ответила я и сняла туфли.

Любимая девушка Димона замечательна во всех отношениях. Она весела, доброжелательна, хозяйственна до невозможности, умопомрачительно готовит, выглядит как кукла Барби, не требует от Коробкова шуб, ожерелий, поездок на Канары и всегда всем довольна. Бриллиант, а не девушка. Хотя, можно ли назвать девушкой женщину на последних месяцах беременности? В Лапе практически нет изъянов, кроме одного: она не очень четко выражает свои мысли. Однако это крохотное пятнышко на фоне яркой радуги достоинств практически незаметно. Тем более что я научилась понимать речь Лапули. Вот сейчас она сообщила, что проводит какую-то Мусю и познакомит меня с неким Карфагенычем. Осталось понять: это имя, фамилия или прозвище?

– Спасибо, Лапа, – прочирикал тоненький голосок.

Я скосила глаза влево и только сейчас заметила тощую девочку в сером платье, жавшуюся между вешалкой и шкафом.

– Мусечка, мне совсем не жалко! – весело ответила наша Барби. – Приходи еще, я постараюсь!

– Ты прелесть! – воскликнула Муся и поцеловала Лапу.

– Я так рада! – умилилась та и обняла Мусю.

– Здорово, что тебе не жаль, спасибо, – снова поблагодарила Муся.

– Мы как одна семья, – горячо воскликнула Лапа, – присылай Аллусю и не забудь коробочку!

– Таких, как ты, подруг больше ни у кого нет, а коробочка самое для меня дорогое, и все благодаря тебе, – с жаром ответила Муся и убежала.

Мне оставалось лишь моргать. Но в присутствии Лапули никому не удастся осмыслить происходящее. Наша Барби схватила меня за плечо и зачастила:

– Пошли на кухню. Танюсечка, ты меня любишь?

– Конечно, – подтвердила я, – а что?

– Я волнуюсь, – зашептала Лапа, – и все.

– Сейчас тебе следует быть спокойной, – сказала я, – как там наш Зайчик?

Лапуля погладила живот:

– Боксом занимается, спортсменом станет! Они хорошие деньги зарабатывают. Димусенька сможет не работать, сядем на порошке ни фига не делать.

– Лучше Зайчику стать госчиновником, – вздохнула я, – они больше получают, физически не устают и могут за время службы капитал скопить. Если из Зайчика выйдет депутат,

тогда не только Димон, но и я на порошке ни фига делать не стану.

С этими словами я вошла в нашу просторную кухню и оглядела присутствующих. За круглым столом собралась теплая компания. Анфиса и Марго, столетние тетушки Димона, четыре рыжие кошки – Лера, Гера, Клеопатра и Ариадна, – Коробок и незнакомый мужчина.

– Это Таня, – торжественно произнесла Лапуля, – разреши представить тебе моего папу, Карфагеныча.

Я снова оцепенела. Отец Лапули? До сих пор я считала ее круглой сиротой. Хотя почему? Лапа никогда ничего не сообщала о своей родне, а Коробок как-то обмолвился, что она совсем одна. Или я его неправильно поняла? Может, забыла? Вероятно, Лапуля говорила что-то об отце.

– Танюшенька, – закричал Димон, – ты мне работу принесла, да? Ноутбук, да? Верно, да?

Я попятилась:

– В сумке лежит.

Тем, кто не знает, поясню. Димон получает огромное удовольствие от работы. Порой он готов сутками сидеть перед экраном и давить на кнопки, но я впервые вижу, чтоб хакер впал в такой безудержный восторг, узнав, что ему предстоит заняться делом.

Коробок бросился к двери, по дороге обнял меня, поцеловал в обе щеки, исчез, в ту же секунду всунул голову назад и с фальшивым сожалением произнес:

– С огромным удовольствием посидел бы еще за приятной беседой, но, сами видите, пора пахать!

– Ничего, ступай, – милостиво кивнул Карфагеныч.

И вдруг спросил у меня:

– Таня, ужинать будете?

– Не откажусь, – кивнула я, – спасибо, Карфагеныч.

– Звать меня Каро Финогенович, – поправил меня гость, – к знаменитым развалинам я отношения не имею. Каро – это в честь бабушки Кары Сергеевны. Батюшка покойный пожелал меня ее именем наречь, да «Кара» мальчику не подходит, вот и получилось Каро.

– Похоже на восточное имя, – влезла в разговор Марго, – очень красиво звучит, музыкально.

– Благодарствуйте, – кивнул мужик. – Так вы, Татьяна, желаете откусать?

– Ох! – подскочила Анфиса. – Приятно было с вами, Карфагенович, познакомиться. Но я обязана присутствовать на митинге «Запретить проезд трамвая по переулку Бунина».

– И чем тебе городской транспорт помешал? – мигом ринулась грудью на амбразуру Марго.

Анфиса, успевшая подойти к двери, обернулась:

– Только политически незрелый, равнодушный к окружающей среде человек способен проявлять ослиное безразличие к миру, в котором живет. Выхлопы трамвая загрязняют атмосферу.

– Извини, он работает на электричестве, – хихикнула

Марго, – в программе твоего депутата косяк.

Анфиса надулась.

– Нет! На мазуте!

Маргоша поднялась:

– Пошли к Димону, он в поисковой системе глянет! Если я права, ты громко скажешь: «Марго, извини!»

– Я всегда права! – ответила Анфиса.

И старушки утопали прочь.

Только сейчас до меня дошло: и чрезвычайно бойкие тетушки, и Димон воспользовались первой возможностью, чтобы слинять из кухни. Похоже, общество невесть откуда появившегося родича Лапы никому не пришлось по душе. А меня отдали ему на съедение.

– Изволите поужинать? – в который раз поинтересовался Каро.

Мне показалось неприличным ответить: «Нет», – и ушмыгнуть, да и есть хотелось до судорог в желудке.

Если весь день провести на диете, надо качественно поужинать, иначе приснятся кошмары.

Сохраняя на лице улыбку, я кивнула и устроилась на стуле.

Каро взял тарелку Димона с остатками еды и водрузил прямо передо мной, не забыв сказать:

– Приятного аппетита!

Я уставилась на кусочек картошки и куриную косточку, потом решила, что папенька Лапы юморист, из тех, что с са-

мым серьезным видом устраивают на редкость глупые розыгрыши, взяла тарелку и понесла ее к мойке. Может, чтобы доставить гостю удовольствие, стоило рассмеяться? Но мне прикол не показался остроумным.

– Татьяна, – озабоченно воскликнул Каро, – вы куда?

– К мусорному ведру, – ответила я, – привыкла именно туда сбрасывать объедки.

– Там отличный кусок картошки! – возмутился папенька. – Политый маслом. Кстати! Обращаю всеобщее внимание на то, что подсолнечное, заключенное в стеклянную бутылку, дороже того, которое продается в пластике, но еще лучше найти бумажную тару. И курицы осталось вполне достаточно! Понимаете, сколько денег вы потащили в помойку?

Я изумилась, обернулась, Карфагеныч помахал мне рукой.

– А ну вернитесь, сядьте на место, поставьте тарелку, я сделаю калькуляцию.

В полном недоумении я повиновалась и уставилась на папеньку Лапы, а тот вытащил из кармана маленькие, размером с пачку сигарет, деревянные счеты, нежно погладил их и начал лихо гонять костяшки, сопровождая свои действия комментарием:

– Берем килограмм картофеля. Оно понятно, клубни разные, но хорошая хозяйка возьмет средние, на здоровенные не польстится, поскольку всем известно, что в них живет жу-

желица. Татьяна, следите за ходом моих мыслей?

Я ошарашенно кивнула, Каро Финогенович улыбнулся.

– Хорошо. В одном килограмме примерно десять картофелин, и отдать за них придется сорок рублей. Вопрос: сколько стоит один корнеплод? Производим деление. Получаем четыре целковых. Ого! Ощутимо! Теперь внимательно изучаем ломтик, который вы столь незначительно пытались похоронить в отходах. Это примерно одна восьмая по размеру от целого. Снова делим, имеем на выходе пятьдесят копеек. Напрягите воображение, представьте, что на тарелке лежит монетка. Бросите ее из окна?

– Нет, – ответила я.

– А почему? – тут же спросил Карфагеныч.

– Деньги не вышвыривают, – сказала я.

Каро прищурился.

– Вот! Но вы хотели это сделать! Не смотрите, что картошка, это деньги. И если прибавить сюда стоимость растительного масла... Дочь, ты какое берешь?

– Оливковое, – прошептала Лапа, – зелененькое, испанское.

Карфагеныч оттопырил губу.

– Да уж! Слов нет! Подсолнечное из бочки на розлив в пятилитровую канистру намного дешевле. Парадокс: чем меньше берешь, тем больше теряешь. Но мы сейчас подсчитываем стоимость недоеденного. Оливковое! Это меняет дело! А бройлер за сколько?

– Сто рублей, – шепнула Лапа.

Карфагеныч нахмурился.

– Дочь! Как из тебя, при условии моего правильного воспитания, могло такое вырасти? Не иначе это ожила генетика Элен, не к ночи помянута она будет. Вернемся к расчетам. Умножим, вычтем...

Я, словно заговоренная, следила за тем, как указательный палец Карфагеныча ловко перебрасывал туда-сюда костяшки.

– Нуте-с, раз... пять... Вот вам и готово!

Каро обвел нас торжествующим взглядом:

– Рубль двадцать. Татьяна, вы хотели, не задумываясь, облегчить свой кошелек на значительную сумму. Человек ест три раза в день.

– Вот бедненький, – пропищала Лапа, – небось не наедается!

Отец сдвинул брови, но не стал комментировать слова дочери, он решил не отвлекаться от основной темы:

– Сто двадцать копеек умножаем на три, имеем триста шестьдесят. Увеличиваем в тридцать раз, превращаем в рубли, сто восемь! Оцените! Сотня с лишним в месяц! А за год? Одна тысяча двести девяносто шесть! А за десять лет? А за сто? А за двести?

– Столько не живут, – возразила я.

Но Карфагеныча оказалось невозможно сбить с намеченного курса.

– Я взял самый простой вариант. Картофель плюс курица. Но уверен, вы часто едите деликатесы, например огурцы, помидоры, яблоки. Тогда сумма возрастет. Запомните основной принцип правильного ведения хозяйства: купил недорого, использовал все, ни с кем не поделился. Вот, например, стул!

– Его нельзя съесть, – быстро сказала я.

– Слушайте внимательно, – безо всякого раздражения велел гость, – значит, стул! Дерево плюс обивка, лучше обойтись без последней.

– Жестко без нее, – вполне разумно возразила Лапа, – долго не посидишь, попу ревматизмом скрутит.

– Очень хорошо, – обрадовался папаша, – меньше сидишь за столом, меньше съешь. Люди не о том думают, когда покупки делают. Татьяна!

Я вздрогнула:

– Да?

– Вот вы вошли в магазин, хотите приобрести кресло. Поделитесь своими мыслями, – потребовал Каро.

Я пожала плечами:

– Ничего необычного. Посмотрю, удобное, мягкое ли, посижу минутку, прикину, подходит ли к интерьеру, если мне понравится, куплю.

– Дальше, – потребовал Карфагеныч, – оплатили чек и...

– Оформлю доставку, поставлю кресло в комнате и плюхнусь смотреть телик, – развеселилась я.

Каро Финогенович удрученно сказал:

– Не готовят у нас людей к жизни. Детям в школе ерунду преподают. Где курс «Семейный бюджет»? Семинар «Как правильно делать покупки»? Итак, мебель, например стул. Первым делом спрашиваем, кто его изготовил. Надо брать вещь белорусского производства, не минских фабрик, а из провинции. Там дешевле всего. Нам нужен...

Я перестала слушать Карфагеныча. Теперь знаю, по какой причине Анфиса с Маргошей и Димон удрали со всех ног, едва я появилась на горизонте. Хорошее воспитание не позволяло им сбежать раньше, неприлично хозяевам оставлять гостя в одиночестве. Но, когда возникла я, и старушки, и Коробок сообразили: Танюша с успехом исполнит роль хозяйки, спасет их от папеньки Лапы. Даже кошки улепетнули прочь, а они предпочитают не покидать трапезную, особенно если на столе обожаемая ими курица. Интересно, как бы отреагировал многоуважаемый Каро, увидев, как я угощаю Клеопатру куриной грудкой?

– ...не разрешать никому на него садиться! – ворвался в мои уши баритон новоявленного родственника Лапы. – Стул, на котором сидят изредка, по праздникам, прослужит намного дольше, чем тот, на котором устраиваются все кому не лень в любое время. А дольше всего прослужит мебель, которой совсем не пользуются.

Слава богу, именно на этой фразе у меня в кармане зазвонил телефон, и я получила возможность выйти в коридор.

Глава 7

– Жива? – спросил Димон. – Иди ко мне.

Я побежала к Коробку, со стоном упала в кресло и с чувством произнесла:

– Жесть!

– Немедленно встань! – испуганно воскликнул хакер. – Что ты делаешь?! Осторожно! Испортишь!

Меня подбросило вверх, как на пружине, неужели я не заметила на сиденье какую-то мелкую электронную фигню, которой полным-полно у Димона, и раздавила компьютерный прибабас?

– Аккуратнее, – укоризненно сказал Коробок, – мебель изнашивается, обивка сечется, знаешь, сколько она стоит, давай-ка выясним!

Я с облегчением выдохнула и села на прежнее место.

– При тебе он тоже счётами тряс? Слушай, откуда взялся этот папенька?

Димон со вкусом чихнул.

– По словам Лапули, она встретила в магазине какую-то Тяпку. Не садовый инвентарь, а знакомую. Сия Тяпка обратила внимание на живот Лапы и стала задавать дурацкие вопросы. Давно ли она вышла замуж? Кто супруг? Кого ждешь? И прочую бабскую дребедень. Лапа честно рассказала про меня и про то, что официально наш брак не оформлен. Тяп-

ка, убей меня бог, не понял, кем она приходится Лапе, мигом соединилась с Карфагенычем и наболтала ему, что Лапулю в Москве изнасиловал монстр, который превратил бедняжку в домработницу, и так далее и тому подобное.

– Забавно, – улыбнулась я.

– Обхохочешься, – мрачно произнес Димон. – Сегодня утром, едва ты умчалась в свой центр коррекции фигуры, раздался звонок.

Я слушала Коробка. В принципе ничего удивительного он не сообщил. Любые родители разволнуются, узнав, что их юная дочь беременна от взрослого мужчины, который не отвел ее в загс. Узнав о судьбе Лапы, ее папенька тут же ринулся в Москву, чтобы уладить дело.

– Мне кажется или ранее Лапа представлялась сиротой? – осторожно уточнила я.

Димон протяжно вздохнул.

– Может, мы как-то не так ее поняли? Одно я знаю точно: она живет в столице с восемнадцати лет, за то время, что мы вместе, папаша ни разу не появлялся и никогда Лапа ни о нем, ни о ком-то еще из своей семьи не рассказывала.

– Зачем он прикатил? – недоумевала я.

Коробок насупился.

– Свадьбу играть.

– Вы женитесь! – обрадовалась я. – Вот здорово! Почему мне не сказали?

Димон смутился.

– Тань, мы не хотели ничего устраивать из-за беременности. Лапа мечтает о белом платье, фате. Но, согласись, как-то странно надевать на голову символ невинности, когда у тебя живот на лоб лезет.

Я потупилась. Жаль, не могу рассказать Димону про свой короткий опыт работы в загсе. Коробок полагает, что я решила использовать отпуск для борьбы с лишним весом. За пару дней, проведенных под началом Анны Ивановны, я увидела только одну невесту с осиной талией. Все остальные смахивали на арбузы, что совершенно не мешало им нацепить белые платья и нахлобучить на макушку кружевные занавески.

– Думали, распишемся по-тихому, без помпы, – говорил Коробок, – а уж потом, когда Зайчик появится, устроим гулянку. Будет Лапуле и платье в перьях, и все остальное. Но папенька настроен агрессивно, увидел меня и заявил: «Нашей семье позора не надо. Все по-человечески должно быть. Сначала оформление брака, потом пир, затем ребенок. Не поймет нас родня».

– Родня? – повторила я. – Их много?

Димон махнул рукой.

– Целый список!

– Офигеть, – вырвалось у меня, – откуда они появились?

Коробок сказал:

– Нет ответа. Живут в разных городах, но готовы с радостью прибыть на свадьбу. Вроде человек двести.

У меня закружилась голова, но я все же попыталась сохранить трезвость мышления.

– Две сотни людей! Их надо разместить, накормить, оплатить банкет. Получится огромная сумма. Думаешь, мы потянем? Я, правда, накопила кое-что, готова поделиться.

Коробок отъехал от стола.

– Знаешь, что самое странное? Весьма экономный Каро пообещал, что он сам гулянку организует, не лезьте. Расходы он берет на себя.

– Атракцион неслыханной щедрости, – протянула я.

– Согласен, поведение папеньки не вписывается в стилистику его личности, – сказал Коробок, – повторяю, он берет на себя расходы по своим гостям общим числом двести голов. Каро тряс списком, я не вникал, потому что не знаю ни тетю Марусю из Лос-Анджелеса, ни дядю Колю из Владивостока. А за тех, кого позову я, плачу сам.

В дверь постучали.

– Можно войти?

Димон закатил глаза.

– Да, конечно.

На пороге образовался Карфагеныч.

– Дмитрий, хочется сделать последние уточнения, перед тем как я начну активные действия.

Димон сделал приглашающий жест.

– Располагайтесь как дома.

Каро Финогенович сел в кресло и откашлялся.

– Вы согласны, что свадьба должна состояться как можно быстрее, пока не родился ребенок?

Коробок кивнул, папенька приободрился.

– Изучить список гостей со стороны невесты желаете?

– Нет, – быстро ответил Димон, – зачем?

– Прекрасно, – воскликнул папаша, – моя дочь мечтает о празднике, ей хочется поделиться своим счастьем со всеми.

– Впервые слышу о желании Лапы, – изумился Коробок. – Она, простите, не вспоминала родню ни разу за всю нашу совместную жизнь.

Карфагеныч исподлобья взглянул на меня.

– Татьяна, вы не оставите нас вдвоем? Дело чисто семейное, не для посторонних ушей.

Я решила не обижаться, приподнялась и была остановлена сердитым возгласом Димона:

– Татьяна не сдвинется с места. В нашем доме ни у кого секретов нет.

Каро почесал подбородок.

– Я на вашей территории, значит, подчиняюсь. Небольшой экскурс в историю нашей семьи. Элен, моя законная жена, оказалась мало приспособленной для воспитания ребенка и совместной жизни. Я был занят на работе, передоверил девочку Элен и оказался наказан. Когда дочери исполнилось двенадцать лет, жена сбежала из нашего города, прихватив с собой ребенка. До меня изредка доходили слухи о жизни бывшей жены. Та куролесила, не обращала внимания на ча-

до, и девочка росла хулиганкой-безобразницей. Наркотики, выпивка...

Глаза Димона медленно вылезали из орбит, а Карфагеныч продолжал:

– ...мальчики, гулянки, сигареты. Не закончив школу, дочь ушла от Элен, а та даже не вздрогнула, искать ребенка не стала. В результате девчонка пошла по рукам. Когда моя сестра Марина рассказала, что дочь сидит в канаве на трассе Москва – Питер, я не удивился. К этому шло. Попробуйте понять, как мне было тяжело на семейных праздниках, которые устраивались по разным поводам. Наша семья большая, дружная, за стол усаживается минимум сто восемьдесят человек. На свадьбу племянницы Ирины народ съехался со всего света, рассказывали о детях, внуках. Мне пришлось молчать о себе. Кем похвастаться? Женой-гулякой? Дочерью? К чести родственников отмечу, никто меня о ней не спрашивал, люди знали, что она изгой, урод в приличной семье. Понимаете, почему я обрадовался, узнав, что нашелся мужчина, согласный создать с ней семью? Я хочу собрать народ и продемонстрировать им – дочурка Каро Финогеновича не хуже других. Конец глупостям. Я честный человек, поэтому не собираюсь вешать на вас все расходы. Своих оплачиваю я, вы – ваших. Справедливо?

Поскольку Димон застыл с отвисшей челюстью, я быстро ответила:

– Мы согласны.

– Мудрое решение, – одобрил Карфагеныч, – консенсус достигнут. Идем дальше. После оформления брака вы планируете жить здесь? Или будете вить гнездо в другом месте?

Димон продолжал сидеть с видом кота, которого чудом спасли из ледяной полыни, поэтому мне пришлось стать представителем жениха и вести от его лица переговоры:

– Зачем покидать отличную квартиру? В ней хватит места для малыша.

– Татьяна, сколько у вас утюгов? – спросил Каро.

Неожиданность вопроса удивила, но я постаралась ответить с невозмутимым видом:

– Три штуки. Два обычных, третий присоединен к гладильной доске.

– Четвертый вам нужен? – деловито осведомился папенька.

– Нет, – после небольшого колебания ответила я.

– Хорошо, – кивнул Карфагеныч, – как с чашками-тарелками? Они в каком количестве?

– На двести человек посуды не хватит, – отрезала я. – У нас есть два парадных сервиза на двадцать четыре персоны плюс каждодневная посуда. Две сотни человек нам не принять.

– И не надо, – остановил меня Каро, – я хотел выяснить, если вам в подарок принесут утюг и чайный сервиз, вы обрадуетесь?

– Нет, – призналась я, – постельное белье тоже будет лиш-

ним. В доме есть все. Можете пройтись по комнатам и посмотреть, увидите два холодильника, стиральные машины, одеяла, подушки, пледы, мебель и еще не знаю что. Диме с Лапулей не придется начинать жизнь с нуля.

Карфагеныч хлопнул ладонью по колену:

– Мы идем одной дорогой! Если пустить свадьбу на самотек, то гости наташат вам много ерунды, которую вы не будете знать, куда деть. Фарфоровые фигурки! Какой от них толк? Лишь пыль накапливают. Я предлагаю написать в приглашении: «Новобрачные просят вас положить в конверт сумму, которую вы предполагали потратить на подарок». Меньше пяти тысяч рублей класть в таком случае стыдно, многие положат больше. Но если даже мы оттолкнемся от минимума, то...

На свет опять явились счеты, Каро застучал костяшками.

– ...умножим на двести и получим миллион!

– Да ну? – поразилась я.

– Проверьте, – милостиво разрешил Карфагеныч и протянул мне счетную машинку эпохи неолита.

Я вынула из кармана мобильный и включила калькулятор. Действительно, миллион!

– Обратите внимание, – журчал папенька Лапы, – за основу взята минимальная сумма подарка. Но я точно знаю, Марина всегда дает тридцать тысяч, дядя из Тюмени меньше чем по пятьдесят кусков не кладут. Даже если кто-нибудь и «забудет» внести свою долю, хотя я уж присмотрю, то все

равно выйдет большой куш. Лучше получить пару миллионов, чем двадцать три утюга! Кстати! Невеста может иметь аллергию на цветы! Напишем про болячку, пусть плюсуют еще в конверт и цену букета!

– С вами трудно спорить, – произнесла я. – Деньги полезнее ненужных электроприборов.

– И по данному вопросу достигнуто понимание, – обрадовался Каро, – будете с прибылью.

– Если учесть количество гостей-немосквичей, стоимость банкета, транспорта, тамады и музыкантов, то вы получите большой убыток, – здраво возразила я.

Карфагеныч сложил руки на груди.

– Это третий пункт. Я берусь лично организовывать праздник, все, от отеля до парней с гитарами. Вы не потратите ни копейки. Только не мешайте.

– Хорошо, – согласилась я.

– Если понадобится ваша помощь, я скажу, – деловито сказал Каро, – организую роскошный праздник за бюджетные деньги.

Я вспомнила кусок картошки, политой оливковым маслом, недоеденную куриную ножку и выпалила:

– Не сомневаюсь.

– Вы умница, – похвалил меня Каро. – Прямо сейчас и начнем. Свадебка через неделю. Идет?

– Думаете успеть? – поразилась я. – Всего семь дней!

– На свете нет ничего невозможного, – оптимистично за-

явил Карфагеныч. – Дмитрий, разрешите подсоединиться к вашему Интернету? Потом скажете, сколько я буду должен.

– Пользуйтесь бесплатно, – сказала я.

– Очень щедро, спасибо, – заулыбался Каро, – и самое последнее. Дмитрий, я понимаю, вы всерьез готовы жениться на моей дочери, поэтому я рассказал вам правду о ней. Да, юность ее нельзя назвать безупречной, но ошибки остались в прошлом. Давайте не будем напоминать невесте о черных пятнах в ее биографии. Если вы сейчас кинетесь к ней с расспросами, случится беда. Она зарыдает, впадет в истерику, начнутся преждевременные роды, младенец родится мертвым. Вы этого хотите?

К Димону вернулся дар речи:

– Нет.

Карфагеныч встал.

– Почему я был откровенен с вами? У будущего зятя на лице читался вопрос: «Какого рожна ты приехал?» Теперь у вас есть ответ. Я хочу продемонстрировать родственникам, которые не один год перешептывались и сплетничали за моей спиной, что дочка Каро Финогеновича в полном порядке. Вот у Елены Сергеевны, которая без устали о сыне-ученом, кандидате наук, чуть ли не с десятого класса болтала, резкий зигзаг случился. Сынишку-то арестовали за торговлю наркотиками. Позор! О нем и надо говорить. Но мне не хочется, чтобы дочь держала обиду на отца. Не выясняйте отношений, дайте ей спокойно отгулять свадьбу, родить, потом

потолкуете. Предполагаю, вы сами не монахом до встречи с невестой жили? Разрешите откланяться, времени у меня в обрез, отправляюсь работать.

Когда Каро Финогенович ушел, Димон уставился на меня:

– Наркотики? Пьянство? Трасса Москва – Питер? Я познакомился с Лапой в компании, она совершенно не походила на девушку, обслуживающую дальнобойщиков!

Я подошла к нему.

– Ты любишь Лапулю? Ответь честно, без тупых шуточек, которые мужчины произносят, боясь быть заподозренными в сентиментальности.

– Она лучшее, что у меня случилось в жизни, – признался Коробок, – и я очень жду сына.

– Тогда забудь все, что сейчас услышал, – велела я, – все совершали ошибки в молодости. Лапа натворила глупостей до знакомства с тобой. У тебя за спиной своя история, у меня своя, но это не мешает нам дружить. Не требуй ни от ближайшего друга, ни от жены, ни от родителей полнейшей откровенности. Ты уверен, что хочешь услышать от Лапы правду? Скорее всего она окажется неприятной. Не копайся у человека во внутренностях, там не розы благоухают. Важно другое: Лапуля сейчас счастлива, ты тоже, скоро появится Зайчик, остальное пусть исчезнет в тумане. Если Лапа не выгнала папашку, значит, она хочет помириться с ним. Мне чертов Карфагеныч абсолютно не по нраву, но он отец Лапули, значит, придется с ним мириться. Пусть Каро Финогенович

устроит свадьбу, прекрасно, что он решил оплатить расходы. Думаю, Лапа не прочь надеть и платье, и фату. Полагаю, разговор о том, что неприлично идти в загс с животом, завел ты?

Коробок смутился:

– Ну, просто я похихикал над тетками, которые...

– Можешь не продолжать, – остановила я его, – Лапа постеснялась спорить с отцом Зайчика. Отгуляем свадьбу, получим здорового младенца, а потом избавимся от Карфагеныча. Обещаю, он вас с Лапулей тревожить не станет.

– И как ты это провернешь? – вдруг заинтересовался приятель.

Я сделала загадочное лицо.

– Дай честное слово, что не полезешь к Лапе с глупыми разговорами.

– Тань, – пробубнил Димон, – я и так не стал бы. Ты права, что было, то уплыло, я сам не ангел. Вот только неприятно мне с ее папенькой чай на одной завалинке пить.

– Пусть Лапуля получит свадьбу, примирение с родичами, а потом я отважу Каро от нашего дома навсегда! – пообещала я. – Не спрашивай как!

– Ладно! – кивнул Коробок. – Не буду.

Вот и хорошо. Пока сама не знаю, каким образом избавлюсь от рачительного, экономного Карфагеныча, но непременно найду способ! Главное сейчас, чтобы Коробков не наломал дров, не устроил беременной допрос с пристрастием.

– Спасибо, Танюш, – вдруг произнес хакер.

– Пока не за что! – хмыкнула я.

– Вовремя сделала мне внушение, – пояснил Коробок. – Вылила на мою вскипевшую голову ведро воды, и я успокоился.

Я быстро поменяла тему беседы:

– Залезай в ноутбук Бориса, а мне пора к Маргарите. Ты выяснил про Дзаева?

– Да, – кивнул Коробок, – он действительно умер. Ничего криминального, инфаркт.

Глава 8

Встреча с Маргаритой, бывшей экономкой семьи Ветошь, была назначена на девять вечера. Я решила выехать заранее, к сожалению, пробки в Москве стали постоянными, понятие «час пик» потеряло смысл, «пик» в столице теперь всегда. Перед тем как спуститься во двор, я забежала на кухню за бутылкой воды и увидела, что к Лапе пришла в гости подруга, как две крупинки гречки похожая на нее саму.

– Очень хочу, чтобы твоя коробочка мне помогла, – тихо говорила она, пока я изучала содержимое шкафа, где у нас хранятся продукты, – прямо мечтаю.

– Дарю ее тебе от души, – зашебетала Лапуля, – если делать это от чистого сердца и с добрыми намерениями, то супер получится. Не сомневайся. Лике, Кате и Светочке уже повезло. Чем ты хуже?

– Я лучше, – обиделась блондиночка.

На этой фразе я схватила пластиковую бутылочку и убежала. Лапа с гостьей были так поглощены беседой про какую-то коробочку, что, похоже, не заметили меня. Хотя, согласитесь, не приметить слона весьма сложно.

Латунной таблички на двери Риты не оказалось, я провела ладонью по филенке и нащупала четыре небольшие дырочки.

– Сняла, – произнес голос у меня над головой.

Замок щелкнул, дверь открылась.

– Вы, наверное, Татьяна? – предположила хозяйка.

– Она самая, – кивнула я, входя в прихожую.

– Не разувайтесь, – быстро сказала Рита, – идите спокойно. Табличку я отвинтила. Борис Олегович скончался, теперь в ней необходимости нет.

– Общаетесь с бывшей хозяйкой? – спросила я, очутившись в гостиной. – Дружите с Агишевой?

Маргарита прищурилась.

– Сразу понятно, что вы никогда на барина не работали. С работодателем нельзя сокращать дистанцию. Не дай бог, узнаешь чего, и тогда в лучшем случае места лишишься. Подальше от царей, голова целей.

– «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь», – процитировала я «Горе от ума».

– Не могу не согласиться, – произнесла Маргарита. – Хозяева разные бывают. Зоя Владимировна не самый плохой человек, рук никогда не распускала, истерик не закатывала, пустых замечаний не делала.

– А как зарплата? – тут же спросила я.

Рита расправила на коленях шелковое платье.

– Ее мне в агентстве платили.

Я решила бить в одну точку:

– И вас это не удивляло?

Рита положила ногу на ногу, и я невольно обратила внимание на идеальный педикюр.

– Главное – получить обещанный оклад вовремя. А уж кто тебе конверт протянет, почему владелец конторы меня за свой счет в дом Ветошь направил, не имеет значения.

– Вы появились в особняке до Агишевой? – задала я следующий вопрос.

Маргарита скосила глаза в сторону.

– За две недели до их прилета из Франции, свадьбу при мне играли. До Бориса Олеговича я жила у банкира Бранка, тот уехал в Швейцарию. Особняк был весь в грязи, за ним плохо смотрели, не проветривали, эксклюзивные ковры лежали свернутыми в рулоны, ворс замялся, кое-где мошь завелась. Люстры хрустальные, очень красивые, дорогие, не позаботились специальной пленкой закатать, мебель стояла без чехлов, картины, зеркала не прикрыты, на втором этаже в унитазе ржавчина. В общем, мне пришлось попыхтеть, я две бригады поломоек наняла. Одна днем пахала, другая ночью, но к приезду новобрачных все сияло.

– Хозяева вам понравились? – улыбнулась я.

Маргарита не изменила приветливо-равнодушного выражения лица.

– Бориса Олеговича я давно знала, он с Бранком дружил. Хотя господин Ветошь со всеми был в хороших отношениях. Позитивный, приветливый, чудесный человек. Я обрадовалась, когда узнала, у кого служить придется. Зоя Владимировна поначалу казалась мне испуганной. Я сразу поняла: врут люди, хозяйка не из богатой семьи.

Я решила подольститься к экономке:

– Вы отличный психолог.

Маргарита опустила взгляд.

– Особого ума тут не надо. Поначалу она сама кровать убирала и спускалась кофе пить, не требовала завтрак в спальню. Я ей и сказала:

– Зоя Владимировна, простите, если не по-вашему стелю. Объясните, как вам дома горничная одеяло с подушкой укладывала, постараюсь угодить.

Она покраснела и ответила:

– Как вам будет удобно, я внимания на такие мелочи не обращала.

Понятно, не было у нее прислуги. Некоторые привычки с детства воспитываются. Дочка Бранка в ванне помоеся, полотенца на пол швырнет, все шампуни, кремы открытыми оставит и убежит. Ей в голову не придет крышки завертеть – с пеленок знает, другие за нее постараются. А Зоя Владимировна? Выйдет – халатик на крючочке, полотенца на сушильнике, еще и пол протерт. О чем говорить? Водителя она стеснялась, поедет в салон красоты и лепечет:

– Сережа, вы уж извините, я задержусь часа на два, прическа сложная, раньше не получится.

Водитель, бедный, не знает, как себя вести. Он-то обязан ее ждать хоть сутки, ему за это платят. Потом она быстро привыкла, полотенце скомканным оставлять стала, о шофере не переживала, но в хамку, как многие, не превратилась,

с прислугой вела себя вежливо. Хорошо, что у нее комплекс Салтычихи не появился.

– Навряд ли Фрейд о таком слышал, – улыбнулась я.

Рита чуть наклонила голову.

– Я всю жизнь в горничных и давно заметила: те, кто вырос в богатстве, даже став бедным, не переживают, воспринимают невзгоды как временные, верят в грядущий подъем, а вот если до тридцати гнутые медяки считали, а потом состояние нажили, тут возможны два варианта. Человек либо превращается в хама, и тогда нравится ему тех, кто удачу за хвост не поймал, мордой в лужу макать, оттягиваться на прислуге. Самая ужасная хозяйка – это домработница, которая стала барыней, она прислуге за все свои прошлые унижения отомстит. Но есть и другой вариант. Человек обрел богатство, остался нормальным, золотом-бриллиантами не кичится. У него другая беда – страх потерять все это. Вот Зоя Владимировна из таких, она до смерти боялась опять в нищих очутиться, сдержаться не могла, говорила:

– Жизнь непредсказуема, сейчас ты хорошо ешь, а потом, раз, и отнимет у тебя бутерброд. Надо копить на черный день.

Да только Борис Олегович над женой смеялся:

– Солнышко, лучше жить весело, с размахом, будет о чем в старости вспомнить. Неизвестно, настанет ли черный день. Соберешь мешок денег и умрешь на нем. Не думай о будущем. Мне в басне Крылова всегда нравилась стрекоза, она

симпатичнее занудного муравья.

Борис Олегович был легким, молодым духом, солнечным зайчиком и при этом очень внимательным и сострадательным.

Маргарита дернула шеей.

– В свое время он меня выручил из большой беды. Я его не просила, но Ветошь умел по лицу читать. Подошел и напрямую спрашивает:

– Рита, чем могу помочь? Вижу, у тебя неприятность.

Рассказала я, а он по голове меня погладил и велел:

– Спи спокойно, я займусь, не стоит такая ерунда твоих нервов.

И действительно, разрулил проблему за три дня. Как его благодарить, я не знала, денег больших не имела. А Борис Олегович сделал вид, что ему моя проблема тьфу, хотя я понимала, каких людей он дергал, улаживая мое дело.

Прошло несколько месяцев, и я вдруг слышу: Ветошь ищет офис для встреч с клиентами в центре, желательно первый этаж, не очень дорого. И никак не найдет! Я набралась храбрости и говорю:

– Борис Олегович, не подойдет ли вам моя квартира? Она четырехкомнатная, правда, в одной комнате моя мама Антонина Леонтьевна живет, но она работала в КГБ секретарем у большого начальника. Ее можно пилой пилить, она лишнего не скажет, старая советская выучка. В наше время таких спецов уже нет, вымерли, как мамонты.

Борис Олегович обрадовался:

– Маргарита, а ваша матушка не согласится у меня послушать? К сожалению, больших денег я ей не предложу.

А я ему в ответ:

– Мы вам по гроб жизни обязаны за помощь. Маме в радость будет поработать, ее тоска мучает, не надо ей платить. И пользуйтесь квартирой за так.

– Повезло адвокату, – прокомментировала я услышанное.

– Это на нас удача снизошла, – возразила экономка. – Борис Олегович маме деньги не платил, но он ей постоянно продуктами холодильник забивал, устроил в дорогой медцентр, подарил абонемент в бассейн. Секретарша много не получает, маме подарками больше досталось.

Я кивала, верно, Борис создал замечательную систему взаимозачета услуг, она работала, как отлично отлаженный часовой механизм. Тик-так. Ветошь помогает Рите. Так-тик. Маргарита предоставляет адвокату офис, тик-так, тик-так, Борис привозит ее матери колбасу, насколько помню, мясные изделия он получал без денег, так-тик, Антонина Леонтьевна беззаветно служит адвокату, тик-так, тот устраивает даму в медцентр... и далее без остановки. Очень простая, гениальная схема.

– Когда мама скончалась, – продолжала Рита, – Борис Олегович предложил мне занять ее должность. Как раз Зоя Владимировна на меня разозлилась. В агентстве не следовало рассказывать о нашем уговоре, мне продолжали платить

как горничной, но я сидела здесь. Где хозяин новую прислугу раздобыл, понятия не имею.

– Вы помогали ему обманывать Зою Владимировну, – упрекнула я экономку.

– Имеете в виду подвенечное платье? – протянула Маргарита.

– И драгоценности, которые оказались красивой бижутерией, – дополнила я.

Рита не смутилась.

– В камнях я не разбираюсь, если блестят красиво, значит, настоящие. Я их аккуратно чистила и к хозяйке с дурными беседами не лезла. Бриллиант, не бриллиант! Не мной куплено, не мне подарено, не мне и язык распускать. А про платье! Борис Олегович меня попросил, я сказала, как он велел. Кому от этого плохо? Висела тряпка без дела. Зоя Владимировна в ту гардеробную не заглядывала, забыла про наряд. Да и не ее он!

Тут Маргарита живо захлопнула рот.

– А чей? – тут же уцепилась я за нитку.

– Не знаю, – сердито отмахнулась экономка и добавила: – Из магазина его доставили, на штанге. Я ее в спальню новобрачной вкатила и ушла. Новое совсем было.

– Но не ее? – спросила я. – Что вас натолкнуло на мысль о принадлежности подвенечного наряда другой даме?

– Ничего, – отрубил Рита.

– Вы, похоже, любили Бориса Олеговича, – вздохнула я.

Маргарита расслабилась.

– Кого ни спросишь, все его обожали. Надеюсь, на небесах Господь его сразу в рай определил. Я за него молебен заказала, записочку об упокое души подала.

– Ходите в церковь? – обрадовалась я.

Маргарита подняла голову.

– Как православный человек, стараюсь по мере сил, по праздникам. Не забываю про родительскую субботу, пост держу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.